

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 37

1966

Варвара КАРБОВСКАЯ

**СКАЖИТЕ,
ПОЖАЛУЙСТА!..**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 37

Варвара КАРБОВСКАЯ

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!..

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1966.

Варвара КАРБОВСКАЯ

Варвара Андреевна Карбовская родилась в Омске. Среднее образование получила в Самаре и затем начала работать, продолжая учиться заочно в Институте иностранных языков. Трудовой стаж начала на опытной станции в Ясной Поляне, позднее работала на химическом заводе в Подмоскowie.

Первый свой рассказ напечатала в журнале «Крокодил» в 1935 году.

В 1940 году Варвара Карбовская работает в Политуправлении Московского военного округа и сотрудничает в газетах и журналах.

Первый сборник рассказов — «Анютины глазки» — вышел в 1948 году в «Библиотеке «Крокодил». Позднее в том же издательстве вышла книжка «Женское сердце», «Сторонние лица» и «Копоть в уголке».

Варвара Карбовская много работает над рассказами и фельетонами на темы морали и нового быта. В Государственном Политическом издательстве вышли пять ее книжек, четыре — в «Советском писателе».

Выпустили сборники В. Карбовской и другие издательства.

Некоторые книги и многие рассказы и фельетоны Варвары Карбовской переведены и изданы в ряде стран за рубежом.

Варвара Андреевна Карбовская

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!.

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 17506. Подписано к печати 3/X 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₂.
Объем 1,5 физ. печ. лист. 2,10 условн. печ. лист. Тираж 114 700.
Изд. № 1925. Заказ № 2209. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

БЕЛЫЙ ВОРОБЕЙ

— Внимание, внимание! Сегодня будет произведен первый запуск белого воробья. Побежали! Троллейбус...

Оба длинноногие, они финишировали на остановке первыми.

Два старых друга, два молодых человека, они каждое утро встречались на углу Аэропортовской, вместе ехали двадцать минут, вместе входили в обширный вестибюль с тремя железными вертушками, где полагалось совать пропуск в окошко стеклянной будки. Если бы кто-нибудь спросил, из чего состоит их жизнь, они насчитали бы изрядное количество элементов. А может быть, как древние римляне, которые ограничивались четырьмя стихиями: огонь, вода, земля, воздух, — назвали бы: работа, семья (оба обзавелись семьями сразу после института), спорт (элемент, явно хиреющий на глазах), книги, телевизор, ну и... и больше, пожалуй, ничего особенно-го. И они забыли бы сказать, что утренние встречи на углу Аэропортовской, состязание с троллейбусом и мальчишеский разговор, который дома уже почти не клеится, — это тоже одна из составных частей их жизни, и, между прочим, одна из приятных. Совсем еще недавно настойчиво хотелось сделаться инженером, страстно мечталось стать мужем — «упрямо стать супругом вашим», как сказал поэт, а потом — гордо — отцом, — а вот теперь, когда все достигнуто, почему-то приятно хоть на полчаса возвращаться в первоначальное мальчишеское состояние.

Они втиснулись в троллейбус и оказались в центре обыкновенной перебранки: двое пассажиров, пожилые он и она, доказывали один другому свою интеллигентность, подчеркивая недостаток культуры у противоположной спорящей стороны.

— Что значит, занимаю весь проход? Хотите пройтись, можете сказать по-культурному, а не переться сквозь человека!

— А вы сперва сами... — и так далее.

— ...А я сегодня видел белого воробья.
Это произнес не слишком громко, но отчетливо один из инженеров, один из приятелей.

Перебранка прекратилась, головы повернулись к тому, кто видел белого воробья. Кто-то спросил:

— Неужели? Белого?

— Да, представьте,— сказал тот, который видел белого воробья.— Все остальные серенькие, как всегда, а тут вдруг такой белый-белый.

Женщина, только что упрекавшая пассажира в недостатке культуры, живо заинтересовалась:

— И что же, другие на него не кидались? Не клевали?

— Ну что вы! Полное птицелюбие,— сказал инженер.— Наоборот, серенькие даже уступали ему какие-то крошки или зерна.

— Скажите! — умилилась женщина и не заметила, как ее супротивник протискался мимо нее к выходу.

И весь троллейбус начал удивленно переговариваться о белом воробье.

Приятели вышли на своей остановке.

— Что скажешь? По-моему, запуск удался.

— Потрясающе! Между прочим, ты заметил, я уже давно не говорю «потрясно».

— Растешь, как тополь. Ну, а теперь попробуй ты — выпусти белого воробья.

— А где?

— Бедняга, я вижу, как блекнет и лысеет твоя когда-то буйная и пышная фантазия! Где? У себя в лаборатории, в столовой, наконец, в собственном святом семействе.

— Вот разве что в семействе.

— А что? Трудноватости, или, как говорит завклубом, матзатруднения, в смысле материальные? Ладно, потом договорим.

В это весеннее утро белый воробей влетел в дом с голубыми, бесшумными пластиковыми полами, с сотрудниками в белых халатах и с железными вертушками в вестибюле. Влетел, не предъявив пропуска. Он никому не мешал работать, просто немножко удивлял и чуть-чуть веселил. Некоторые его тотчас же присвоили и приручили. И выпускали уже от себя. И только когда он впорхнул в кабинет к Самому, да еще в разгар совещания,— вот тут он рисковал своей воробьиной головой. Белой.

Сам был зол. Так трехсложно определяли инженеры состояние Главного. Зол не без причины, но все же не стоило срывать злость на ближних, тем более нижних по чину...

И вдруг в самый раздув неприятностей, когда одни сидели с потупленными глазами, а другие тоскливо и терпеливо смотрели в окно, молоденькая инженерша, которая позволяла себе многое, потому что была красива, удачно оформлена под Юлию Борисову и всеми любима, тоже посмотрела в окно, улыбнулась и сказала:

— Белый воробей!

Сам остановился как вкопанный и повел в ее сторону диким глазом. И увидел милое личико, покрасневшее от волнения: выпуск только что приобретенного и еще не опробованного воробья в кабинете Самого — это было довольно рискованным экспериментом. Но личико было такое умное и скромное, что Сам обезоружился. И голосом, внезапно смягчившимся, спросил:

— Какой воробей? И почему белый?

Все уже знали про воробья и переглянулись — как бы буря не возобновилась с новой страшной силой. Но буря не возобновилась. Милая женщина сказала с той очаровательной скромностью, которая пленяла всех в доме и за его пределами:

— Он только что был здесь, под окном. Но вы говорили так громко, он вспорхнул и улетел. Простите!

Последнее, очевидно, относилось к тому прерванному ею, что произносил Сам. Он был умный человек и в отличие от неумных любил улыбку. Он сощурился и сказал:

— Я потом выясню, бывают ли белые воробьи,— и продолжал реприманд, но уже в спокойном тоне.

После совещания в коридоре милую женщину окружили. Некоторые говорили:

— Здорово, артистично!

Другие спрашивали наивно:

— А что, действительно там был белый воробей?

Наивных никогда никто не спешит разубеждать. Немножко безобидного мальчишества — это помогает переносить с каждым днем увеличивающийся возраст.

— Да. А вы разве не знали? Он летает по Москве. Сегодня утром впервые появился в троллейбусе, мы сами свидетели. С тех пор прошло три часа. Если, скажем, сорок пассажиров за это время успели рассказать ста двадцати знакомым, а те в свою очередь и даже без очереди... Где моя счетная машина?

На другое утро приятели встретились, как всегда, на углу Аэропортовской.

— Бред, но факт! Когда Алла начала меня пилить деревянной пилой — у нее в последнее время пила на вооружении,— я сказал про белого воробья.

— И что же? Она сказала: «до лампочки»?

— Нет, к счастью. Я не переносу эту лампочку. Ее пустил в свет не ты, она абсолютно бездарна.

— Сеньор, вы мне льстите.

— Нет, серьезно, это же глупо: «А мне — до лампочки!» Что это значит? Что мне так же мало дела до чего-нибудь, как до лампочки, да? Но ведь если она перегорит, то тебе до нее будет дело, потому что насидишься в потемках. Однако эту «лампочку» повторяют повсеместно нудно, бессмысленно. А «белый воробей»? Он у тебя вылетел, и его уже не поймашь вопреки поговорке. А может быть, как раз согласно поговорке, ведь кое-кто догадывается, что он не птица, а слово. Но об этом знает один на тысячу. Или даже на десять тысяч. Скажи все-таки как другу, это ты сам его родил?

— Хосс! Как можно подозревать старого кореша в таких противозаконных вещах! Но ты так и не договорил, что Алла?

— Алла еще не слышала о воробье. Распиловка прекратилась мгновенно. У нее вдруг стало такое лицо, какое я любил.

— А теперь разве уже не любишь?

— Что за вопрос! Я люблю Алку, но когда она кривит рот и делает змеиные глаза, я не перевариваю такую физиономию. А тут опять рот круглый, что даже хочется поцеловать. Глаза совершенно ребячьи, любопытные, просящие — объясните ей, пожалуйста, все про белого воробья.

— И ты объяснил?

— Временно воздержался. А то она бы чертыхнулась и снова пустила бы пилу в действие. Ничего, пусть подумает о белом воробье, который почему-то появляется в самый критический момент. А вот ты сам подумай, ты — воробыный творец! — ведь это красиво: сидит беленький на веточке, почки набухли, уже торчит из каждой зеленый язычок, а он сидит, смотрите на него...

— Брависсимо, дивная иллюстрация! Но смотрит тот, кто умеет. Только тот.

— Ну, а кто не умеет, все равно рассказывает с захлебом, как рассказывают про новое лекарство, чудодейственное и доступное, вроде свеклы с медом у моей тещи, или еще что-нибудь.

На следующее утро они опять встретились на своем углу.

— Нет, можешь себе представить: я вчера пришел домой, Алка спросила, купил ли я индийского чая. А я, конечно, забыл и начал злиться: вот навязывают человеку всякие поручения, неужели самой трудно, и так далее. Она выслушала все совершенно спокойно, небывалый случай в нашей исто-

рии семейной жизни, взглянула в окно и сказала: «Белый воробей!» Мы поглядели друг на друга и — в общем, полный порядок. Слушай, как ты думаешь, он долго будет жить?

— Белый воробей?

— Да. Твое детище, плоть от плоти. Или его погубят на лету?

— Кто? Кому это надо?

— Мало ли. Тому, кто со смаком свертывает шеи и живым и словесным. Тому, кто обожает изрекать высокопарное. Например: «Величие нашей эпохи требует по крайней мере орлов, не говоря уже о космических ракетах». — А тут вдруг такое мелкотемье — воробей! Кроме того, он скажет, что белый цвет не наш цвет. И пусть лучше будет красный орел.

— Упрощаешь. Теперь такой кирпичностью уже не щеголяют.

Их обогнали два школьника. Два второклассника из тех, которые терпеть не могут, чтобы их называли второклашками. Один сказал громко, как в классе:

— Я прибежал домой, а дед-пап-мам полыхаются, на лестнице слышно. Ну, значит, в кино не пустят, нечего и проситься. А я все-таки решил попробовать и, знаешь, чего сказал? Я сказал: «Я сейчас видел белого воробья!»

Оба инженера переглянулись и прибавили ходу.

— Белого? Ну и как? — с жадностью спросил второй школьник.

— Порядок. Пап бросил полыхаться и прямо ко мне: «Врешь? Где?» А мам говорит: «Ой, как интересно, Сереженька!» — Это она отцу — Сереженька. А дед поглядел на меня прямо, как врач ухо-горло-нос, чего-то хмыкнул, вынул из кармана пятьдесят копеек и говорит: «Это тебе на кино, на мороженое и за белого воробья».

...— Непедагогично? — на ходу тихо спросил один из инженеров.

— Неважно. Слушай, что дальше.

...— Валерка, вот здорово! А это правда, что ты видел? Или прямо взял и выдумал?

— Конечно, прямо выдумал. У меня это как-то сразу получилось.

Признание прозвучало с горделивой скромностью.

— Вот прохвост, Хлестаков! — тихо сказал один из инженеров. — Поймать его, спросить голубчика, как это он просто выдумывает чужих белых воробьев?

— Ни в коем случае! Ты же сам по себе знаешь, как приятно выпустить белого воробья. Пусть летает. К тому же он хорошо вписывается в весенний пейзаж.

ВЕСЕННИЕ ДИАЛОГИ

Диалог первый

— Алик!

— Ну?

— Я тебя никогда-никогда не спрашивала об одной вещи. Спрашивать — значит не доверять, а я тебе верю во всем, во всем — больше, чем себе самой! Но сегодня все такое весеннее, такое необыкновенное, и я хочу услышать от тебя только одно слово... Любишь? Да?

— Угу.

— Милый! Ты даже не представляешь, как много значит для меня это слово. Вот ты сказал так тихо, так ласково, что любишь, и я стала самой счастливой женщиной на свете! Приятно любить самую счастливую женщину на свете, правда?

— Ннну!

— Родной! Ты вложил в это маленькое «ннну» столько теплоты, столько гордости! Ведь ты гордишься мной, хоть немножечко гордишься, да?

— Ага.

— Я это знала, любимый! И ты можешь быть уверен, что я не омрачу твоей веры в меня! Знаешь, когда я сдаю зачеты, я всегда думаю: «Только бы ответить лучше всех, чтоб он мог сказать: «Она у меня ого-го, самая способная, умница, молодец!» Ведь ты доволен, когда я сдаю лучше всех?

— Ммм...

— До чего это у тебя выразительно получается — ммм... — и сразу понятно, что ты согласен и одобряешь! Ведь для меня очень-очень важно твое одобрение во всем! Ты думаешь, для кого я одеваюсь? Все говорят: ой, Людка, какое на тебе платье! — а я жду. Жду: вот придешь ты, заметишь или не заметишь? И ты всегда замечаешь! Ведь да, замечаешь?

— Ыгы.

— Ты какой-то особенно лаконичный, острый, точный. И скромный. Ты не хвалишься своим хорошим вкусом, но ты всегда умеешь правильно оценить, как у меня все подобрано одно к одному, никакой вульгарности, никакой крикливости. И тебе нравится во мне еще одна вещь. Сказать?.. А ты лежи, лежи, не открывай глаза, ты устал, ты отдохни. Я сама тебе скажу... Тебе нравится моя фигура! Да, да, ты доволен, что я у тебя не толстая, не курбастая, что я у тебя стройная, как тростиночка. Ведь нравится?

— Ххо!

— А когда на лекции ты смотришь на меня, я начинаю не

понимать, что там говорит профессор... Я понимаю только одно: своими глазами ты ласкаешь мои волосы, глазами ты говоришь: какие они у тебя каштановые, мягкие, блестящие!.. Смотришь на лоб, и я будто слышу, как ты щепчешь: «Умный лобик, белый, гладкий!..» А когда встречаются наши взгляды, то я уже вообще ничего не соображаю. Да, да, и мне не стыдно в этом сознаться! И я читаю в твоём взгляде то, что ты думаешь: «Люблю твои глаза, они синие, как озера. Никому не отдам, они мои!» Ведь верно, ты это самое хотел сказать, когда сегодня на философии смотрел на меня?

— Ыыыы!..

— Тебе смешно? Я всегда говорю, что у тебя удивительное чувство юмора! И тебе весело со мной! Знаешь, почему? Потому, что у меня легкий характер. И потому, что я ласковая и нежная, как никто. Тебе хорошо со мной, да?

— А-а.

— Ой, как не хочется расставаться! Столько еще тобой недосказано, столько еще мной недослушано!.. Но ничего не подделаешь, иди. А то сейчас Татьяна явится из кино. Татьяна в общежитии — золотой человек, только у нее с Петром совсем не так, как у нас с тобой. Когда я ей рассказываю, как у нас с тобой, она всегда говорит: «Людка, я тебе завидую!» А я ей говорю: «И правильно, и есть чему завидовать!» Ведь правда, нам можно завидовать?

— Ннну!

— Ах, Алик, только бы скорей кончить институт, и чтоб у нас была своя, своя собственная комната, чтоб только ты и я! Вот уж тогда бы мы наговорились вволю! И знаешь, мне даже все равно где, здесь или на краю света!.. Лишь бы с тобой!

— Э-э.

— Это просто удивительно, как мы всегда думаем и говорим одинаково! Ну, иди, милый. И думай о том, какие мы с тобой счастливые!

— У-у.

Диалог второй

— Ох, Танюшка, какая я сегодня счастливая! Только что ушел Алик. Ну и наговорились мы с ним! Пока ты с Петром ходила в кино, он все время был тут. Отдыхал. Он ужасно устает, у него такой напряженный год! И я всегда стараюсь создать ему условия для отдыха... И мы говорили, говорили... Танюшка, я прямо не могу! Будем пить чай, и я тебе расскажу, ладно?

- Давай-давай.
- А может быть, тебе неинтересно? Тогда я не буду.
- Да уж давай, выкладывай. Мучай меня. Со мной ведь Петька так не разговаривает, как Алик с тобой.
- Ты знаешь, Татьяна, я даже сама удивляюсь, откуда берутся такие слова. Иногда слушаешь, как наши ребята говорят, и думаешь, до чего невыразительно: тык-мык... эт сам... пнимаешь... знчт... А девчонки — ничего, слушают, и им даже нравится, влюбляются. Нет, я бы так не смогла! Вот хоть твой Петр — филолог, ты, пожалуйста, не обижайся, но ведь и у него нет настоящих слов...
- Куда уж там, никаких нет, не то чтобы настоящих! Поделовому он будет говорить хоть час, не закрывая рта, а любовному... сроду этого не было, и, наверно, не дождусь...
- Вот видишь! А у Алика... Каждое его слово отпечатывается у меня в мозгу, могу наизусть. Он говорит: «Сегодня такое весеннее, такое необыкновенное настроение»... И спрашивает: «Любишь?» А потом говорит: «Я хочу, чтобы ты, Люда, была самой счастливой женщиной на свете, чтобы я любил самую счастливую женщину!»
- Ух, черт!
- Да. А потом говорит: «Я хочу гордиться тобой, и я знаю твердо, что ты никогда не омрачишь моей веры в тебя!»
- Даже что-то уж очень!..
- Вот так у него иногда получается! А потом говорит: «Ты у меня умница, молодец, способная и,— говорит,— у тебя столько вкуса, я всегда люблюсь, как ты одета»..
- От Петьки дождешься! Я его один раз спросила: «Тебе нравится моя новая кофточка?» А он говорит: «Когда наденешь, погляжу, только можешь особенно не спешить, и так хорошо». Абсолютно ничем не интересуется!
- Зато Алик — решительно всем! Говорит: «Когда я смотрю на тебя на лекции, я глазами ласкаю твои каштановые волосы, такие мягкие, такие блестящие...»
- Ты гляди, прямо как поэт!
- А про глаза сказал, что они у меня синие, как озера.
- Ну уж это какая-то литературщина!
- Да? Мне тоже так показалось, но ведь он не филолог, как твой Петр, а медик. Откуда медику знать, что литературщина, а что нет. А про мой характер он сказал, что он у меня легкий, что я ласковая и нежная, как никто. А уходя, шепнул, что ему до того не хочется со мной расставаться, но что вот-вот из кино должна вернуться ты и ему надо уходить. Он и про тебя сказал, что ты золотой человек,
- Прямо он у тебя какой-то особенный.

— А другого бы я не полюбила! Уже на пороге посмотрел на меня и говорит: «Моя мечта, чтобы поскорее жить вместе, чтобы только ты да я, вот тогда бы мы наговорились вволю!» И, говорит, все равно где жить, хоть на краю света, лишь бы вместе!

— Умеют же люди! Слушай, ничего, если я Петру расскажу?

— Пожалуйста. Мы из нашей любви не делаем никакого секрета.

— Любовь любовью, это все умеют, а вот такие слова говорить... это не каждому дано. Расскажу Петьке, может быть, и ему захочется разговаривать, как люди. Он как раз собирался к нам сюда зайти, я ему обещала рубашку выгладить. Брюки гладить научился, а рубашки — никак.

— Ладно, Танюша, вы тут с ним разговаривайте, а я еще к девчатам в двадцатую комнату сбегаю. Не могу на месте сидеть, душа поет!

Диалог третий

— Петр, вот ты филолог, а у тебя настоящих слов нет. А Людкин Алик — медик, но у него такие слова берутся, я даже прямо не знаю, как у кого. Наверно, как у Тургенева.

— Что же такое тургеневское он тебе говорил?

— Не мне, а Людке. А она уже мне пересказывала, что он сказал, что она сказала.

— Между прочим, именно так пишутся интервью. Любые. Опытный журналист сам предварительно придумывает текст, а потом подсовывает его тому, с кем разговаривает. Когда садится писать, все перетасует — и полный порядок. Именно так, как ему хотелось.

— Ты всегда все знаешь лучше других, уж больно умный! Поучился бы у людей! Алик Людке сказал и про волосы, что они у нее каштановые, и про глаза. Сказал, что она ласковая и нежная. И что ему страшно не хочется с ней расставаться даже на один день и он только мечтает о том времени, когда они будут вместе на всю жизнь. Между прочим, он всегда замечает, как она одета, и называет ее тростиночкой... Вот как люди говорят, не то, что...

— А знаешь, в этом что-то есть.

— Наконец-то!

— Нет, я не в том смысле, чтобы тебя называть тростиночкой, я еще пока не сбрендил. Какая тростиночка в шестьдесят два кило! Да и в Людке твоей не меньше. А я про то, что это может куда-нибудь пригодиться... Хотя бы для нашего Зубра. Он с важным видом утверждает, что в наше время секрет

объяснения в любви утрачен, что мы не утруждаемся подбором слов. Вот же ему, пожалуйста! Живой пример, фактический материал. Да нет, мне даже и самому пригодится! В общем-то это, конечно, банальная тягомотина, но раз так еще бывает в жизни... Скажут: не модно? А кто нам может запретить самим ввести моду на что угодно, в том числе и на нежные слова? Только надо, чтобы это было со вкусом, с толком... Знаешь, Татьяна, когда я начну наконец писать роман, ты мне все это напомним.

— Ой, Петька!

— Что еще?

— То, что ты сейчас сказал...

— А что я такое сказал?

— Что когда ты наконец будешь писать роман, чтобы я тебе напомнила. Значит... значит, мы тогда будем вместе, когда ты будешь писать роман, да?

— Ммм...

— Молчи, молчи, лучше не скажешь! У тебя сейчас это так здорово получилось, так по-теплому, по-родному, как никогда!.. Ладно, Людка, теперь держись, не у одной тебя есть что рассказывать! У меня тоже теперь такие слова — солнечные, весенние, особенные: «Когда будем жить вместе, будем вместе работать над романом!» Да, это тебе не голубые озера!..

ОТ АВТОРА. А кому не хочется милых, солнечных, прелестных слов? От друзей и любимых, от мужа или от жены, даже от редактора, даже от самого читателя! По-моему, никто бы не отказался. Но только не все и не всем их предлагают. А, право, жаль!

БАБНИК

— Вот ваше местечко,— сказала ему миловидная девушка в белом переднике.— Садитесь, пожалуйста, сейчас я вам принесу завтрак.

Направо от него оказалась женщина, похожая на сидячего орла, которому надели на голову пышный желтый парик. На лево — гнедая женщина. До появления краски «Гамма» у людей не было волос такого цвета, это была лошадиная масть. Третьим за столом сидел сухопарый старик с длинными волосами, желтый и пропахший табаком.

Павел отодвинул стул и произнес «Здравствуйте» с таким выражением, как если бы он сказал «Черт меня догадал».

— Нашего полку прибыло! Очень приятно,— сказала женщина-орел резким, канареечным голосом.

— Вы играете в бадминтон? — спросила гнедая, глядя ему прямо в глаза нахальными козыжими глазами.

Он почему-то сказал, что ему надо на почту, отправить жене телеграмму.

— А почему вы здесь одни, без жены? — хрипло спросил прокуренный старик и неожиданно игриво погрозил желтым табачным пальцем. — Вот они всегда так: как на курорт, так без жен. А мы будем над вами шефствовать и все ей про вас напишем!

Павел сразу затосковал, а после завтрака подошел к девушке в белом переднике и попросил пересадить его за другой стол. Туда, где мужчины. Девушка почему-то обрадовалась: она думала, что ему приятнее с дамами, но теперь она его посадит у окна. Там двое мужчин, третья женщина, но она послезавтра уезжает.

Между завтраком и обедом он сделал километров десять по берегу залива, говорил с рыбаками, с детсадовскими ребятами, с туристами, которые шли по тропинке, горбятся рюкзаками, как верблюды. Он проголодался и пришел к обеду первым, когда в столовой еще никого не было. Во всяком случае, ни гнедой, ни орла, ни старика. Они, видимо, считали хорошим тоном приходить в столовую с таким видом, будто им вовсе не хочется есть и они выше сытости. Это у них получалось, но только совсем не по Горькому.

Его новых соседей, мужчин, еще не было. Пришла женщина, посмотрела на него и удивленно сказала:

— Пашка!

Он посмотрел на нее, сказал: — Светка! — но тут же оглянулся по сторонам.

— Ты почему один, без Ирины? — спросила женщина и тут же объяснила, что она одна потому, что Петра вызвали на завод. Одной ужасно скучно, но она уже доживает здесь последние дни. А он ей объяснил, что Ирину внезапно послали на совещание в Польшу, и она велела ему ехать в дом отдыха одному, а то потом не выбраться.

В это время в столовую вошли женщина-орел, гнедая и старик, который не за столом, а во весь рост оказался старухой, судя по серой обвислой юбке. Они сразу заметили, что он сидит в другом месте. Он был заметным, красивым парнем. И гнедая сказала громко: «О-ля-ля!» — почти по-французски, а старуха погрозила пальцем: «А мы напишем жене!»

Он сразу помрачнел и замолчал.

— Ты что это? — спросила Светлана. — Да ты плюй на них! Это же присяжные сплетницы. В каждом доме отдыха хоть две такие да найдутся. Как правило.

Он сказал в тарелку:

— Ладно, помолчи, как будто мы незнакомы. Я знаю, чем это пахнет. Потом расскажу.

Они сговорились поехать после обеда на озеро. Светлана сказала, что Петр велел ей поснимать озеро на цветную пленку, а одной ей идти неохота. Он сказал:

— Ладно. Только ты иди вперед, а я догоню. Потом объясню.

Она ушла. Он еще посидел немного и пошел к выходу. Гнедая опять многозначительно сказала: «О-ля-ля!» — а женщина-орел и старуха погрозили ему с улыбочками. Улыбочки были странные, как в кошмаре при повышенной температуре.

Они проехали три остановки на электричке и пошли лесной дорогой к озеру.

— Теперь ты мне, может быть, расскажешь, почему ты такой пуганый? — спросила Светлана.

— Потому что я уже один раз попал в бабники, — сказал он.

— Попал во что? — спросила Светлана и машинально погладела себе под ноги.

— Понимаешь, это было три года тому назад. Я тогда первый раз поехал в дом отдыха. До этого, помнишь, сперва пионерлагеря, потом туристские походы... У меня уже была Ира, но мы еще не поженились, она кончала медицинский. А я уже первый год работал на заводе. Она меня и спроводила в дом отдыха, чтобы я не отвлекал ее от экзаменов. Ты помнишь, какой я был?

— Еще бы! — сказала Светлана. — Ты был самый милый парень в группе. — И вздохнула.

— Меня так воспитывала мама, — сказал он. — Я открывал перед женщинами дверь, даже перед девчонками, и пропускал их вперед. Я поднимал, если они чего-нибудь роняли. Я помогал им надевать пальто.

— Я помню, — сказала Светлана и улыбнулась. — Сперва над тобой посмеивались, потом привыкли. Тебя любили.

— Ну и вот. В доме отдыха я делал то же самое. И вдруг на меня начали многозначительно поглядывать. Начали вот такие макбетовские ведьмы, как здесь. Только их там было две.

— Нормально, — сказала Светлана. — Иногда хватает и одной. Такая всем дает понять, что она высококультурная, насквозь знает все манеры и за версту чувствует, где пахнет развратом.

— Ну что ты, они не произносят такого слова, — сказал он. — Они говорят: аморальные поступки. И они прилепили мне эти-

кетку «Бабник». Я нашел на пляже мокрый купальный костюм одной женщины и вернул ей при всех. Одна из этих ведьм сделала такую морду, как будто она села на ежа, и сейчас же побежала разыскивать другую. И вдвоем они разговаривали, что я снимаю с женщин купальные костюмы... Когда я танцевал, они говорили: «Посмотрите, как он прижимается!..» А я, если ты помнишь, просто хорошо танцую.

— Я помню, — тихо сказала Светлана.

— Ну и вот. Вернулся я домой. Ира со мной почти не поздоровалась. А на заводе все посмеивались, глядя на меня, и говорили: «Ну и ну!» Я наконец не выдержал и потребовал, чтобы мне объяснили, что это значит — ну и ну! Оказывается, эти особы вернулись раньше меня и всех оповестили, что я бабник. А дом ведомственный, все друг друга более или менее знают, кто откуда. И представь, на заводе тоже один нашелся, сказал: верно, он к женскому полу благоволит! К полу, представляешь себе? Ах, так! Тогда я решил вскоре изменить поведение. Если я раньше перед женщинами открывал двери, то теперь лезу напролом и даже наступаю им на ноги. И не извиняюсь. И сижу, когда они стоят. И если кто-нибудь из них что-нибудь роняет, я говорю: вы уронили, — но даже пальцем не шевелю.

— Боже! — сказала Светлана. — Я знаю массу таких же хамов. Неужели они боятся прослыть бабниками?

— А что ты думаешь? Кому приятно попасть в мясорубку к такой высокоморальной ведьме!

Они дошли до озера и остановились очарованные. Вот это красота! Не хотелось говорить ни о чем противном. Светлана стала фотографировать, иногда просила его сесть на валун для оживления пейзажа. Она сказала, что ее Петр, слава богу, не дурак и не ревнует. Предложила: а не обойти ли озеро кругом? Он испугался.

— Нет, мы тогда не успеем к ужину.

— Подумаешь! Поедим чего-нибудь на станции.

— Я не про то. Нас вместе не будет в столовой. Все заметят. Нет, Светка, ты лучше поезжай, а я останусь.

— Тогда уж лучше я останусь, а ты лупи ужинать.

— А если нас все-таки кто-нибудь видел вдвоем? Скажут: она где-то осталась, ей неудобно сразу показываться на люди...

— Нет, ты не бабник! — жестко сказала Светлана. — Ты хуже! Сам себе рисуешь какие-то картины, которых не было...

— Я себе абсолютно ничего не рисую, — сказал он. — А вот они нарисуют! Они только об этом и думают и обсуждают, кто как шевелит бедрами, у кого какая походка, темперамент...

Чайка сорвалась с валуна, полетела над озером и выхватила из воды рыбешку.

— Поезжай, ужинай,— тоскливо сказал он.— Я провожу тебя до станции, пропущу две электрички и приеду.

Они шли по лесной дороге к станции. Светлана сказала:

— Не обидно, если бы вправду был бабником. Но ты никогда им не был.— И вздохнула.— Неужели, если два человека, друзья детства пойдут вместе в лес или в кино, их уже сразу будут вместе спеленывать сплетней и класть в одну кровать? Ну, ведьмы — я понимаю, они бы сами не прочь с кем-нибудь в лес, только лешие тоже не дураки. А Ирина? Ведь она умница.

Он сказал грустно:

— Даже самым умным женам не нравится, когда их мужей называют бабниками. Это ущемляет их самолюбие. Даже самым умным приятнее слышать: ваш муж в вас влюблен! Ирина, конечно, не поверит, если ей скажут, что я бабник, но время от времени будет ненатуральным голосом задавать разные вопросы.

Они дошли до станции.

— Бабником хорошо! — сказал он с завистью.— Им... это самое, плюй в глаза, они скажут — божья роса и опять за свое. А тут страдаешь ни за что.

— Конечно, обидно,— сказала Светлана и посмотрела на него. Но он не взглянул на нее, он смотрел на свои часы.

— Вон подходит твой поезд,— сказал он.— Беги, а я посижу на лугу.

Она побежала, около платформы оглянулась и крикнула звонко и обиженно:

— А ты, Пашка, все-таки трус! Поедем?

Он помахал ей рукой. Она уехала. Он сел на траву. По лугу бродили две козы, привязанные длинными веревками к колышку. Они посмотрели на него пристальными нахальными глазами и с хрустом принялись за веточки, которые им кто-то подкинул.

Он отвернулся. Ему очень хотелось есть, у него всегда был нормальный, здоровый аппетит.

«ПРИЕЗЖАЮ ПРАЗДНИКИ ЦЕЛЮЮ»

Разве вы, читатель, заранее не составляете план праздничных дней? Куда пойти: утром на Красную площадь, если вы счастливый обладатель пригласительного билета, в гости, если вас позвали заранее, в театр, в концерт, в туристский поход?

А кого принять у себя, чем угостить? И, конечно, что надеть, чтобы выглядеть нарядно? Все это необходимо обдумать.

Вот точно так же обдумывали и строили планы и герои моего рассказа, молодожены, молодые родители, Алеша и Ксета. Сначала обсуждали в общих чертах, потом детально, и все складывалось как нельзя лучше. И лейтмотивом ко всему было: наше Солнышко, Золотко, сынуленька, Рыбочка, Витюшенька и так далее.

— Демонстрацию будем смотреть по телевизору. Это долго, поэтому пусть в это время бабушка с Витюлькой погуляют. А потом будем завтракать, ах, как приятно завтракать не спеша, в кругу семьи! Бабушке придется поставить пироги немножко пораньше. А после пройдемся по улицам. Так удачно, что у меня готово новое пальто!.. Нет, Солнышко с собой не возьмем, что ему делать в городе? Он еще крошечный, не понимает. Останется с бабушкой. А она тем временем уже может готовить ужин. На десять человек. Она у нас молодец, у нее все получается как-то удивительно быстро. Мы вернемся, только успеем переодеться, как вот уже и гости! Сынуленька с бабушкой закроются в спальне, им там будет спокойно и уютно. Гости разойдутся к часу, бабушка к тому времени отдохнет и сможет потихоньку помыть посуду. Это один день. А второй: пойдем в Малый на дневной спектакль, вернемся, пообедаем, а вечером к Соколовым. Ну, так? С программой все согласны?

Собственно, для разработки плана и его одобрения требовалось всего 50% голосов, принадлежащих супругам. Годовалый Витюшка подавал свой голос по потребностям, не имеющим ничего общего с выдвинутым вопросом. Бабушка, Алешина мать? А разве у нее вообще был голос? Кажется, был. Когда два тому назад он громко раздавался на кондитерской фабрике, где она проработала полжизни, и к нему даже прислушивались. Но с тех пор, как она вышла на пенсию, как женился сын и родился внук — Солнышко, Золотко, Рыбочка, Витюля, которого она обожает, с тех пор голоса у нее больше нет. К этому все привыкли, это в порядке вещей.

Но вот, оказывается, еще одна мать собирается положить свою самоотверженную любовь на семейный алтарь! Пришла телеграмма:

«Приезжаю праздники целую».

— Это замечательно! Мама великолепно стряпает, вместе они нам сделают такой стол, что гости просто ахнут! Как это мило с ее стороны; пока одна бабушка ходит по магазинам, другая будет тутушкаться с Витюшей, убирать, стряпать!.. Товарищи по работе завидовали Алеше и Ксете. Везет лю-

дям! Тут перед праздником крутишься, сбиваешься с ног, а они придут домой, все прибрано, блестит, все куплено, приготовлено... Что значит хорошие бабки в доме!

Первая бабка, вторая бабка. Оказывается, не только голос, но и имя постепенно утрачивается. Даже собственные дети уже не зовут мамой, а зовут бабушкой, очевидно, чтобы не сбивать с толку малыша, чтобы ему было удобнее разбираться в родстве. А за ними и знакомые говорят: «Здрасте, бабуся!» Позвольте, какая она бабуся какому-нибудь Иван Ивановичу, который моложе ее всего на два года? Но уж так заведено.

Для того, чтобы Витюшке легче было ориентироваться, постоянную бабушку стали звать «баба Сима», а приезжую — «баба Таня».

Она тоже была в восторге от внука, целовала его розовые пяточки, подарила ему прелестный вязаный костюмчик и сто рублей, которые тут же положила на книжку, на имя внука. Вот это подарок! Ксета ходит гордая, дескать, вот у меня какая мама! Как будто это она вырастила и воспитала свою маму, а не наоборот!

И вдруг весь план рухнул и полетел... Баба Таня, подарив сто рублей, костюмчик и другие милые подарки всем членам семьи, вдруг повела себя странно. Вместо того, чтобы сказать тихо и кротко бабе Симе: «Уж вы, голубушка, возьмите на себя хождение по магазинам, а мне дайте фартук, я займусь внучонком и стряпней», — вместо этого она сказала громко и властно:

— Значит, так, Серафима Платоновна. Поскольку мы с вами люди свободные...

— Это как свободные? — пролепетала баба Сима.

Будучи женщиной политически грамотной, она применяла слово «свобода» к демократическим странам и к народам, сбросившим колониальное иго, но применять это слово к самой себе, скромной пенсионерке и бабушке, ей даже не приходило в голову. Баба Таня объяснила:

— Мы с вами государству свое отслужили, кроме того, нарожали и вырастили детей. И тоже отдавали им что положено: заботу, ласку, любовь. Наша ласка и любовь остаются с ними, а забота, такая, чтобы крутиться возле них денно и нощно, отпадает.

— А как же... — попробовала возразить баба Сима, но баба Таня ее прервала:

— Теперь у них свой ребенок, Солнышко, Золотко, Рыбочка — им на радость. Помните, в какое трудное время мы воспитывали своих: вы Алешу, я Ксету? Война, вы приехали из

Москвы к нам в Новосибирск. Бывало, мы с вами и на завод, и в госпиталь, и донорами были. Отчасти из патриотизма, а отчасти потому, что донорам давали большие пайки, и шоколад, и сливочное масло. А мы с вами ничего этого и в рот не брали, все, бывало, отдавали своим малышам. А помните, как добывали дрова, носили воду?

Воспоминаний ей хватило на полчаса, а закончила она их тем, что сейчас растить ребенка — сплошное удовольствие.

— Зачем же мы будем лишать удовольствия молодых родителей? Пусть хоть праздничные дни целиком посвятят Витюшке, своему Солнышку! А если они ждут гостей, вдвоем вполне управятся со всем: и с ребенком и с приготовлениями. А мы с вами тем временем погуляем по праздничным улицам, посмотрим демонстрацию, я сто лет в Москве не была! — а вечером закатимся куда-нибудь в театр. Что? Не в чем? А зачем вы Ксетке надарили столько своих вещей? Ну, я понимаю: ничего не жалели для невестки. Я тоже в свое время для дочки ничего не жалела. Так пусть она теперь даст вам надеть свое новое пальто. Ведь ей все равно идти некуда, будет сидеть с Витюшкой.

Нет, баба Сима не рискнула просить у невестки новое пушистое пальто, Ксета и без того дикими глазами смотрела на обеих матерей. Но она не решилась перечить и Татьяне Григорьевне: как-никак гостя.

Давние приятельницы нагулялись, нагляделись на праздничную столицу, взяли билеты в Консерваторию, собрались было в кафе, но Серафима Платоновна не на шутку забеспокоилась: как-то они там с Витюшенькой? Ведь это для них, для молодых, — непривычное дело...

Взяли такси. До самого дома Татьяна Григорьевна толковала Серафиме Платоновне, что именно так и должно быть: молодые завели семью, и бабушка вовсе не должна быть верблюдом, на которого навьючивают целый дом. Хватит, своих вырастила, теперь они пускай растят своих. Помогать можно, но зачем же закабаляться? Отдала им квартиру, вещи — прекрасно! Все общее, но общими должны быть и радости и праздники, а не то, что одному — удовольствия, а другому — мытье грязной посуды. А не хочет ли она после праздников поехать проветриться в Новосибирск? Вот вместе бы и поехали...

Серафима Платоновна отвечала невпопад, потому что беспокоилась: что-то там, дома?

Уже на площадке лестницы они услышали, что дома неладно. Витюшка надсадно ревел дурным голосом. Ксета кричала:

— Ты замолчишь, или ты не замолчишь?

Как будто ждала, что Витюшка ответит: — Да, сейчас замолчу, вот только дореву. — Алексей удивлялся в повышенном тоне:

— Я поражаюсь твоей матери! Неужели она явилась только для того, чтобы развлекаться, а не для того, чтобы помогать нам?

— Моя мать подарила сто рублей — на старые деньги тысячу!

— Не надо мне ее старой тысячи, мне надо, чтобы в доме был покой и порядок!

Им приходилось кричать очень громко, чтобы перекрыть горластого Витюшку.

— Мы не подслушиваем, мы не виноваты, что все слышно даже на лестнице, — сказала Татьяна Григорьевна. — Почему-то мы с вами были терпеливее, когда растили своих детей. Только вы, пожалуйста, не делайте страдальческого лица. И не забудьте, что вечером мы идем в Консерваторию.

Через неделю Татьяна Григорьевна уехала к себе в Новосибирск. Как она ни уговаривала бабу Симу поехать с ней, та не решилась. И очень скоро все вошло в обычную колею.

Это было ровно год тому назад, на Октябрьские праздники. На Майские Татьяна Григорьевна не приезжала, прислала очень приятную посылку. Спасибо. А теперь ее ждут снова. И все по-разному. Витюшка мечтает о подарке; Алексей нарочито-скучающим тоном заявляет:

— На рыбалку, что ли, махнуть дня на два?..

Но не выдерживает тона и начинает колоть: — Н-да, моя мать — это не твоя мать! Твоя не способна на самопожертвование ради детей.

Ксета отвечает гордо:

— Мама — самостоятельный человек! — но не выражает восторгов по поводу очередной телеграммы: «Приезжаю праздники целую». Это значит, что опять придется сидеть дома с Витюшкой, который ведет себя, как король, причем невоспитанный король.

Только баба Сима молчит. Молчит и волнуется, совсем, как в молодости, когда ждала встречи с любимым после долгой разлуки.

Счастливого праздника! Каждый проводит его, как умеет. Чем лучше — тем лучше! А нянчиться с собственным сыном, Солнышком, Золотком, Рыбочкой, и освободить собственную мать от забот и хлопот — разве это не радость? Вот именно!

СОЛНЦЕ — ПРОЯВИТЕЛЬ

Строчка в паспорте.— С тех пор, как я себя помню, у меня есть все основания считать себя горожанкой,— говорит моя знакомая.— Я училась в городской школе, закончила столичный институт, познакомилась со своим будущим мужем у Вахтангова. Нет, он не актер, он был зрителем и сидел, так же, как и я, в десятом ряду партера. Но кто сказал, что для семейного счастья нужны талантливые актеры? Теперь у меня двое детей, которые появились на свет в родильном доме в самом центре столицы. Мы живем в новом корпусе, рядом с магазином «Москва». И по соседству находится научно-исследовательский институт, в котором я под старость или лучше значительно раньше надеюсь заработать докторскую степень. Как видите, я насквозь горожанка! И только в паспорте одна-единственная строчка говорит о том, что я родилась в деревне... Но это было давно, не будем уточнять, когда именно.

Так скажите же, почему каждую весну, каждое лето меня неудержимо тянет на травку? В лес, в поле, к речке. Мои ноги в модных туфлях жалобно требуют: — Дай нам босиком походить по росе, постоять в ручье, пошлепать по лужам... Мои легкие каждое утро во время гимнастики дышат по системе Йогов, описанной в журнале «Здоровье»: я закрываю пальцем то одну, то другую ноздрю, но мой нос недовольно фыркает: в него попали отработанные газы целого стада машин, проносащегося под балконом. Кажется, мой нос тоже себе на уме, подавай ему дуновение ветерка, напоенного запахом цветущей липы, шиповника, скошенной травы... Глаза жадно ищут зеленые оазисы среди бетонно-стеклянно-каменных массивов. Оазисов довольно много, но что скажут прохожие, если эта дама в изящном кремовом костюме (я подразумеваю себя и свой новый костюм) вдруг в многолюдном сквере возьмет и ляжет на газон посреди тюльпанов?

А эту женщину тянет не созерцать издали розовые тюльпаны, желтые с лиловым анютины глазки и шпинатно-зеленую траву, а прикоснуться ко всему этому великолепию, уткнуться в него лицом, лежать плашмя на земле и следить за маленьким путешествием божьей коровки, которая в своем красном плаще с черными горошками задумчиво перебирается вверх по стеблю по своим делам.

Мои пальцы готовы прорвать белые перчатки, так им хочется покопаться в земле, побродить в воде и — не нарвать цветов, нет! — а посадить несколько кустиков клубники или маленький клен у крыльца... Но крыльцо у меня каменное, оно

выходит на тротуар, и сажать маленький клен некуда. Если бы я вдруг переменяла профессию и стала садовником, поднялся бы крик, что я сошла с ума, изменила науке ради анютиных глазок...

Нет, я знаю, что я не изменю, я люблю мой исследовательский институт и моих товарищей по работе. Но только зимой и осенью. Тогда я их очень люблю и буквально не могу без них жить. А весной и летом я презираю каждого, даже брезгую каждым, кто не влюблен в природу, кто не понимает ее чистых прелестей и не мечтает попасть к ней в объятия! И уже совершенно не переносу тех, кто хоть чем-нибудь ее оскверняет: консервной банкой или бумагой, брошенной в лесу после завтрака (не могли положить ту же банку или бумажку, в которой несли еду, обратно в свою сумку, лентяи и неряхи!), или тем, что бессмысленно сломали юное прелестное деревце, или разорили гнездо...

Я не знаю, что во мне говорит: эта строчка в паспорте, где значится, что я родилась в деревне, или еще что-нибудь, но для меня Человек и Милый Друг тот, кто мой единомышленник, кто радуется почкам на ветках, щебету птиц, веселью выпущенного на траву пуделя. И умиротворенному выражению лица старого человека, отдыхающего под толстым кедром, с которого рыжая белка швыряется скорлупками.

Вы спрашиваете, есть ли люди, не интересующиеся природой?

Пожалуйста!

Одна такая. Она дико скучала в доме отдыха. С утра, после завтрака, садилась в качалку на террасе и с книжкой в руках, которую держала вверх ногами, качалась до одури. Зато она видела всех и все видели ее то в полосатом, то в гороховом, то почти ни в каком или в белых брюках... Но все было напрасно: если приезжали знаменитости, то с женами и пропадали на море или в горах. Влюбленные мальчишки ее не интересовали, так же как стрижи и чайки, утренние зори, прибой и эвкалипты. Она мечтала выйти замуж. Само по себе это вовсе не плохо, если не носит характера охоты на зазевавшегося зверя с драгоценной шкурой вроде соболя.

И вдруг она узнала, что приезжают супруги Бом. Бом — академик, знаменитость, так ей сказали в доме отдыха. В одно прекрасное утро они появились — муж и жена, приехали на собственной коричневой машине, похожей на гигантскую плитку шоколада. Вот это машина! Жена Бома была сухонькая, в очках и совсем не женщина, а скорее всего галка. Неужели она и в молодости была галкой? Куда же он смотрел, этот лев с серебряной гривой? Правда, он хромым лев и

давным-давно не молодой, но какое это имеет значение, если он знаменит!

Охотница в белых штанишках решила, не считаясь с галкой, начать отлов по всем правилам. Что же делать, если нет подходящих холостых женихов!

О мужчины, даже самые лучшие из вас! Самые умные, тонкие, насмешники, вы становитесь доверчивыми, радостными мальчуганами, когда женщина, глядя вам в зрачки, восторженно говорит о ваших достоинствах моральных и физических, даже если ваше зеркало о последних умалчивает.

Охотница явно преуспевала, старый Бом уже потерял голову где-то на пляже или в парке под магнолией. Он уже давно не терял головы и теперь сделал это с поспешностью мужчины, который знает, что это последняя и совершенно случайная возможность — походить безголовым, — больше это не повторится.

Отдыхающие были явно недовольны безголовым Бомом. Бедная галка тихо и тактично страдала. Но она была на редкость мужественной галкой, и она пошла прямо на охотницу, пригласив ее на разговор. Охотница ждала драматических этюдов и приготовилась их встретить ледяным равнодушием. Легкомысленные знаменитости попадают один на тысячу. Она не собиралась отпускать добычу.

— Я не слепая, — грустно сказала жена Бомы. — И я хорошо знаю поговорку «насильно мил не будешь». Если вы любимы и сами полюбили горячо, искренне, на всю жизнь (охотница гордо подняла голову и тем самым показала, что видит всю жизнь до конца с высоты своего длинного роста), то я не буду препятствовать счастью двоих из желания во что бы то ни стало сохранить мужа.

Охотница бросила быстрый, удивленный взгляд на собеседницу и отметила про себя, что бедная галка держится довольно независимо для своего огорчительного положения. А жена Бомы продолжала:

— Я уйду из вашей жизни. Но сперва я хочу предупредить вас, что этого человека нужно очень беречь.

— Ну еще бы! — сказала охотница.

— Я объясню, — сказала жена Бомы. — У него грыжа белой линии. Когда-то, в ранней молодости, он был грузчиком.

— Меня не интересует его грыжа и то, кем он был в молодости, — надменно сказала охотница. Она говорила правду: ее интересовал знаменитый академик, а не бывший грузчик.

— Иногда грыжа дает себя знать, — грустно продолжала жена Бомы. — Кроме того, у него пояснично-крестцовый радикулит, болезнь имеет склонность к обострению...

— А санатории на что? — бодро сказала охотница. — По полгода будем жить в Крыму, на Кавказе. Вы еще что-то хотите мне сказать?

Жена Бом почему-то сконфузилась.

— Это хорошо, что вы собираетесь предоставлять ему санаторное лечение. Вы, очевидно, много зарабатываете, и вы щедры. А то ведь он гордый и никакой помощи от меня не примет.

— Чего? — спросила охотница и остановилась посреди аллеи роз.

— Материальной помощи, — тихо повторила жена Бом. — Пенсия у него не слишком большая.

— Какая пенсия, что вы мне морочите голову? — рассердилась охотница. — Он же академик!

— Нет, это я академик, — застенчиво сказала жена Бом. — Я академик Бом.

В это время в конце аллеи появился муж Бом. Он шел молдцеватой походкой, крестцово-поясничный радикулит дал ему временную передышку.

Охотница чуть не заплакала. Целый месяц на курорте пропал зря! Она открыла рот, чтобы сказать что-нибудь грубое, нехорошее, вроде того, что — оставьте себе своего пенсионера с грыжей! — но, увидав серьезные глаза печальной маленькой галки, вдруг сказала:

— Благодарю за предупреждение. Я передумала. Я не умею ухаживать за больными. Всего хорошего!

...На закате супруги Бом сидели у моря. Муж начал чувствовать поясницу и угрызения совести. Жена была рядом, задумчивая, как всегда, тактичная. Она сказала:

— Посмотри на небо. Это белое облако, позолоченное солнцем, похоже на льва. В профиль он немного похож на тебя.

— Разве я похож на позолоченного льва? — грустно спросил Бом.

— Нет, я совсем не это хотела сказать, — виноватым голосом произнесла жена. — Просто это очень красиво.

— Я давно не смотрел на небо, — сказал муж. — Да, это красиво. — И почему-то добавил: — Спасибо!

Наверно, потому, что любить природу умеют не все. Его же-на любила природу.

Я могу вам рассказать еще один маленький летний эпизод, который произошел под южным солнцем и чуть не окончился печально.

4 балла. Две девочки очень хотели понравиться двум мальчикам. Но мальчикам они почему-то не особенно нравились. Может быть, те, которые очень им нравились, остались в городе, а все остальные не шли с ними ни в какое сравнение...

Но девочкам все-таки хотелось понравиться, и они решили показать себя отчаянными пловчихами. На доске у моря было написано: «4 балла». При двенадцатибалльной системе это была пустяковая отметка, но у берега море резвилось так, как будто получило самую высокую отметку.

Девчонки поплыли кролем, в волнах мелькали их резиновые шапочки — белая и красная. Шапочки уже были очень далеко, когда сидящие на берегу заволновались: они тонут, посмотрите, они тонут!

Действительно, шапочки беспомощно крутились на месте, их захлестывало водой. Кто-то побежал за моторкой, а мальчики немедленно бросились в воду. На берегу собралась большая толпа. Застучал моторный катер, прыгая по волнам. А мальчики уже доплыли до девчонок. Один из зрителей с биноклем в руках оповестил всех тех, у кого не было биноклей:

— Молодцы ребята! Они сорвали с этих дур чепцы и схватили их за волосы!

— Именно так и спасают утопающих,— подтвердил другой, как будто он только и делал всю жизнь, что спасал утопающих.

А катер уже забрал всех четверых на борт и мчался к берегу. Недалеко от берега мальчики прыгнули в воду, приняли на руки девчонок, и вот уже они на берегу. Все аплодируют. Девчонки опомнились от страха и уже совершенно счастливы: они спасены, их спасли мальчики! Вечером они пойдут с ними на танцы или в кино...

Но счастье было недолгим. Мальчики посмотрели на них сверху вниз и сказали:

— Если еще раз такое сделаете... то мы вас спасать не будем. Это — наше последнее слово.

И это было действительно их последнее слово. Они взяли свои полотенца, шорты, рубашки и медленно пошли по пляжу искать менее шумное место, чтобы побыть наедине с морем и с мыслями о тех девушках, которые остались в городе. Они ушли, не обращая внимания на похвалы зрителей и на огорчение спасенных девчонок.

А солнце преспокойно продолжало свою работу, оно проявляло все, что попадалось ему под руку. Каждый, кто занимается фотографией, знает, как это интересно.

НЕГОДЯИ И «ДУРОЧКА»

В этот вечер нас было пятеро на сцене: юрист, два поэта и два прозаика, а в зале клуба — 500 человек. Почти все — молодежь. Мы уговорились между собой, что поначалу прочитаем рассказы о любви, лирические стихи, а юрист поделится опытом из практики, — к сожалению, бывает, что в любовные дела иногда приходится вмешиваться юристам.

Но нам не пришлось ни читать, ни рассказывать. С самого начала вечера и до самого конца на сцену шли записки, и в каждой непременно были слова «Ответьте, пожалуйста».

Роль почтальона или связного между зрительным залом и сценой взяла на себя хорошенькая девушка в модном платье. Не будь она такой хорошенькой и не имей она такого платья, она, может быть, не взяла бы на себя этой роли: молча ходить по сцене на виду у всех, нагибаясь за записками, которые ей протягивали из зала, — на это решится не каждый. Сама она вопросов не задавала; по-видимому, разбиралась во всем без помощи юристов и поэтов. Впрочем, нужно сказать, что мы отнюдь не притворялись, будто знаем какие-то правды, придерживаясь которых можно сохранить самоотверженную дружбу навеки и быть нежно и страстно любимым до могилы. Нет, мы условились, что у нас просто будет откровенный разговор, вопросы, ответы, общие поиски истины, что во все не означает, что истина будет найдена.

Записки по большей части были немногословные, но между строк проглядывал сам автор — то влюбленный и робкий, то прямой и смелый, наивный или уверенный в себе, обиженный или окрыленный надеждой. Некоторые записки мы читали вслух, не оглашая подписи.

«...Может ли брак помешать учебе молодых супругов? Прошу дать громкий ответ, потому что моя жена в зале».

«...Я люблю девушку, и она меня тоже. Но она говорит, что сперва хочет закончить вечернюю школу молодежи, а потом уже начинать настоящую любовь. Правильно ли это? Пишу с ее согласия и прошу ответа».

«...Нормально ли в наше время положение Ромео и Джульетты, если их родители живут и ругаются, как Монтекки и Капулетти, в соседних квартирах?»

Отвечали мы, каждый согласно своему так называемому профилю: поэты ссылались на поэтов-классиков, на собственные стихи и переживания; юрист приводил примеры из практики; прозаики тоже старались по мере сил.

Но вот пришла одна записка, которую мы обсуждали все вместе во время антракта. Автор ее, молодая женщина, не

просила ответа. Написала: «Может быть, годится вам для рассказа». Вот что было в этой записке:

«...Я познакомилась с человеком, который со второй же встречи начал говорить мне о своей любви. Сначала я не поверила, но он повторял каждый день, что любит меня. Мне было приятно, потому что никто еще со мной так не говорил. Он сказал, что это на всю жизнь и что нам непременно нужно жить вместе. Я сама этого хотела, но думала, что для того, чтобы жить вместе, надо пожениться. Но спросить, когда мы зарегистрируемся, мне было очень неудобно. В конце концов я все-таки спросила. Тогда он стал чуть не плакать, потом страшно обиделся и сказал: «Ты мешанка с жутко отсталыми пережитками, если не веришь советскому человеку, который тебя любит! С чем же ты идешь к коммунизму, если ты не доверяешь людям и тебе непременно нужен документ? Или ты сегодня же фактически докажешь мне свою любовь, или между нами все кончено!» И назвал меня дурочкой. Мне стало стыдно, я испугалась, что между нами все будет кончено, и согласилась прийти к нему. Но вместе мы пробыли только одну ночь, потому что утром он уехал. Сказал, что забыл предупредить меня, что у него срочная командировка, и чтоб я собрала свои вещи и пока шла обратно к себе в общежитие. Но скоро я узнала, что у него не командировка, а он уволился еще накануне. Прошло уже три месяца, он мне не пишет и не возвращается. Я думаю, может быть, с ним что-нибудь случилось? Потому что мне обидно думать по-другому, ведь он говорил о любви так много и так красиво! Мне 18 лет. Подруги говорят, что я дурочка и даже дура. Почему? Он так просил, чтоб я ему верила! И я поверила. Теперь у меня должен быть ребенок. А разве это глупо — верить людям?..»

Подписана была эта записка или скорее письмо так: «Дурочка». В кавычках.

— Какой негодяй! — воскликнула поэтесса, глядя на нас красивыми испуганными глазами. — И она еще думает, что о ней что-нибудь случилось? С такими негодаями никогда ничего не случается. Ведь с его стороны это было преднамеренным убийством любви! Что вы на это скажете, вы, юрист?

— Это поступок уголовно не наказуемый, — уточнил юрист. — За убитую любовь не судят, если нет никаких других поводов для судебного разбирательства.

Но поэтесса волновалась:

— Она действительно дурочка! Можно ли быть такой доверчивой в восемнадцать лет?

— Вспомним нашу юность, разве мы не ошибались? — спросил один из прозаиков.

Поэтесса вздохнула. Может быть, она вспомнила, что люди ошибаются и в более зрелом возрасте!

— Но вот за что бы я с остервенением сделал из него свиную отбивную,— энергично сказал прозаик,— так это за то, что он при своих пакостных наклонностях произносит слово «коммунизм», да еще так, чтоб это было в его пользу! Провхост!

— Такие есть,— сказал юрист.— Недавно судили одного такого. Вор. Нет, не карманник и не домошник. Он с достоинством говорил про себя: «Я работаю». Но шесть восьмых рабочего дня он тратил на свои личные делишки, так сказать, на персональное обогащение за счет того государственного учреждения, где числился в штате. Получал сто рублей зарплаты, а жил с размахом на тысячу. На суде он заявил эффектно дрожащим голосом, глядя прозрачным взглядом в лицо народного судьи: «Я признаю свои тяжелые ошибки! Но не являются ли они пережитками проклятого прошлого, с которым я борюсь всю жизнь с переменным успехом? Я, граждане судьи, хотите верьте, хотите нет, так же, как и вы, мечтаю о коммунизме. И если я создавал лично для себя некоторую материальную базу, то лишь для того, чтобы с наступлением коммунизма не сразу кидаться нахватывать по потребностям, а удовлетворять их из собственных скромных запасов, не докучая государству...»

— Неужели так и сказал: «кидаться нахватывать»? — Мы не поверили юристу.— Так это же идиот или законченный негодяй!

— Безусловно, последнее,— ответил юрист.— И, по-моему, он сродни тому, что так подло обманул девочку.

Нам осталось только согласиться:

— Да, очевидно, все подлецы в какой-то мере между собой родня.

А что ответить молодой женщине? Что людям нужно верить. Но сперва нужно знать точно, что это действительно люди.

БЫВАЮТ ЖЕ ТАКИЕ!..

В городском парке солнце, липы, тюльпаны. На скамейках и в шезлонгах мамы и бабушки. Они вяжут, читают, болтают, поглядывают на своих детишек и внучат и на прохожих. Прохождение — особый предмет для разговора.

Среди мам и бабушек сидит один дедушка. Он тоже пасет

своего внука. Но он не вникает в женские разговоры, он читает газету.

По аллее идет молодая женщина. Можно сказать, что она вся оформлена по лучшим мировым стандартам: прическа с густой челкой, ресницы, которые видны даже тем, кто сидит на дальних скамейках; глаза и губы самого изысканного рисунка, а талия, как у хрустальной рюмки, произведения яблонских мастеров. Одна из мам делает предположение:

— Такая талия, мне кажется, не более шестидесяти сантиметров...

— Ну что вы! Пятьдесят восемь, это точно! — задорно говорит одна из бабушек. — Я сама шью и в размерах кое-что смыслю.

Женщина идет по аллее и ни на кого не смотрит. Она следит за собой, чтобы идти изящно и легко на виду у всех. Зато на нее смотрят все.

— Ах! — тихо говорит одна из самых молодых мам. — Это же Светка! Конечно, это она. Мы вместе учились в школе все десять классов. Вместе кончили. Она сразу вышла замуж за студента-химика с четвертого курса. Больше я ее не встречала, думала, что она куда-нибудь уехала. А она вот вам, пожалуйста! Только она меня не заметила... А ведь прошло всего пять лет.

— Я великолепно знаю эту женщину! — голосом спорщицы говорит другая мама. — Но вы ошибаетесь, ее муж вовсе не студент. В позапрошлом году я видела ее в Ялте. Они приехали в Крым на собственной машине. Ее муж — инженер. Уж мне-то это точно известно.

— Смешно слушать, — сказала задорная бабушка, хотя она не смеялась, а поджала надменно губы. — Очень смешно! Эта женщина зимой переехала в дом, где живу я. Я живу в этом доме с моей внучкой, с моей Лиленькой.... Лиленька, детка, поди к бабушке, бабушка тебе заплетет косичку, она у тебя совсем растрепалась. И не слишком бегай, ты и так вся влажная. Ну, ступай, играй!... Да, так на чем я остановилась?

— Вы остановились на том, что ваша квартира рядом с квартирой этой женщины.

— Нет, мы этажом выше! И потом, конечно, это не лично моя квартира, это квартира мужа моей дочери.

— Вашего зятя, вы хотите сказать?

Бабушка ничего не хочет говорить о своем зяте и делает паузу.

— А эта женщина — этажом ниже. Они недавно приехали в наш дом. И муж у нее никакой не студент, даже смешно! И не просто инженер. Ее муж — академик. Ака-демик!

Молодая женщина уже давно прошла, а мамы и бабушки все спорили: студент, инженер, академик... Самая молодая мама сдалась: да, возможно, он уже стал инженером, но уж ни в коем случае не академиком...

— Милые женщины,— сказал дедушка, складывая свою газету.— Дорогие мои женщины, не спорьте! Не нервничайте, это вредно для здоровья. Всякое бывает в жизни. Либо этот молодой муж, позавчерашний студент, вчерашний инженер и сегоднешний академик, немисливо быстро делает карьеру (дедушка употребил старое выражение — делать карьеру, сейчас так не говорят. Хотя иногда делают...), либо эта молодая женщина тоже делает в каком-то смысле карьеру и немисливо спешит: третьего дня у нее муж — студент, вчера — инженер, а нынче уж — не успели оглянуться — академик.. Бывает.

Женщины посмотрели на старичка.

— Что бывает? — спросила самая молодая мама.

— А, да что его спрашивать! — отозвались хором еще три мамы.— Не бывает, а бываю т: бывают такие ехидные старики!

И только бабушка маленькой девочки бросила на дедушку маленького мальчика многозначительный взгляд. Но спорить больше ни с кем не стала. Действительно, спорить — это вредно для здоровья.

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!..

Разве нельзя постоять просто так, на углу кипучего перекрестка? Просто так, в спокойно-созерцательной позе. Позади оконченная работа. Но уже шевельнулась новая тема, значит, нужно ее бережно вынашивать, питаться только теми впечатлениями, которые пойдут ей на пользу, и ждать ревниво и нетерпеливо, когда же она, наконец, захочет появиться на белый свет, на белый лист.

Оказывается, стоять на перекрестке просто так нельзя.

— Гражданочка, скажите, пожалуйста, как пройти к ГУМу?

Сейчас отвечу. Только переживу это обращение «гражданочка». Что творится с языком: гражданочки, гражданочки! Из хорошего слова сделали какое-то подобие гнусной дамочки или, еще похлестче, мадамочки. Что это — ложная ласковость — чка? Или ложная стыдливость: гражданка — слишком резко, строго, по-милицейски — гражданка, платите штраф? Женщина? Как можно, женщина!.. Принято — девушка, но ведь нельзя же — девушка и девушка до шестидесяти. Значит, гражданочка? По тому же принципу не говорится — яйцо, а непременно яичко.

— Почему у вас яички? — басом спрашивает здоровенный дедина.

Тогда уж надо отвечать в тон:

— Яички, граждaнчик, стоят рублик.

Впрочем, мужчины себя граждaнчиками не называют, это только нас, женщин, — граждaночками.

А что, если объяснить, как идти в ГУМ, и сказать: вот так, сударь мой. Когда я прочитала у Солоухина похвалу славному русскому слову «сударь», я почувствовала, что у меня появился единомышленник. Но растолковывать человеку, который задает мне вопрос на кипучем перекрестке, что «сударь» — хорошее русское слово, не место. И нет времени: он торопится. Получив ответ, он благодарит и направляется в указанном направлении.

Я снова хочу принять устойчиво-созерцательную позу и мысленно вернуться к шевельнувшейся теме.

— Вы мне не подскажите, как подъехать к Белорусскому?

— ПОДскажу. Вас ПОДвезет троллейбус № 1. Или ПОДбросит маршрутное такси. И вы ПОДъедете прямо к вокзалу. Если вы к минскому поезду, то вам придется ПОДподожждать.

— Спасибо большое.

Какое черное дело я сделала! Если не густо-черное, то, во всяком случае, темно-серое. А она, бедняжка, та, что спрашивала, даже и не почувствовала. Может быть, догнать ее, извиниться и сказать:

— Транспорт я вам назвала правильно, но говорила с вами на ужасном языке. Нарочно. Передразнивала вас. Вы не почувствовали? Не только вы. Живем и пропускаем мимо ушей все эти «ПОД». «Я к вам ПОДъеду». Почему не ПРИеду? Наверное, потому, что ПОДъеду — это деликатненько-культурненько, так, что ли? ПРИехать, по-вашему, это как бы в гости, надолго, боже сохрани, зачем беспокоить! Я только ПОД... и сейчас же обратно... Или вот это самое подскажите... Не просто скажите, а опять-таки ПОД. Повелительное наклонение — скажите! — ни в коем случае. Ужасно грубо. А с приставкой ПОД получается вроде ужимочки и прыжка в сторону все той же культуры. Еще одна ужимочка: «Мы это дело ПОДработаем!» Вместо того чтобы «мы над этим делом поработаем».

ПОДработайте! А мы тем временем ПОДчитаем, ПОДхвалим, ПОДругаем, ПОДплачем над изуродованными словами.

— Скажите, пожалуйста, будьте любезны, если вам нетрудно...

Это опять ко мне с вопросом. Нет, мне нетрудно, с великим удовольствием. Но, простите, Христа ради, если я

вам не поверю, что и у себя дома, в своей семье, вы также рассу-сю, ти-ти-ти, на высоких, тонких нотах, с медово-вареньевым выражением лица. Когда вот так на людях выражают нечто псевдоизысканное, жеманно-деликатное и сильно писклявое, то так и знайте, что дома рычат и швыряются тарелками. Для разрядки? Домашние ведь у многих за людей не считаются. А как бы хорошо одинаковое «пожалуйста» и своим и чужим!

— Прощу прощенья, вы не знаете, как проехать на тЭлЭ-виденье?

— Знаю, конечно, как же мне не знать.

Поскорее отправить этого человека в метро, пусть едет до Калужской, а там рукой подать. Поскорее, а то он спросит, где можно купить фанЭру, «ДЭмона» ЛЭрмонтова и где выпить черного кофА... Нет, он не грузин и не армянин, тогда был бы небольшой акцент не без приятности — Э вместо Е. Он просто полагает, что это интеллигентно и тонко — с вывертом произносить иностранные слова. Иногда выворачивает и русские, если уж очень кокетничает. Он думает: если слово из французского языка или латыни, то всякое Е нужно произносить как Э обратное: колЛЛЛЭкция (даже с тремя Л), лЭксика, пионЭр, пенсионЭр, паштЭт. Этот самый паштЭт сто раз на дню звучит у прилавка диетического магазина. И ведь слышит, наверно, что все другие говорят Е, но, очевидно, считает, что все говорят неправильно, неинтеллигентно, он один правильно через Э обратное. И слово «кофе» произносит «кофЭ», а другой раз даже «кофА». Почему, откуда?

На днях я поняла, откуда. На «Голубом Огоньке» появилась очередная телевизионная хозяйка телевизионного кафе. Она всем телегостям говорила:

— Пожалуйста, чашечку кофА! Выпейте кофА!

Сколько миллионов слушало это ФА? Ну, предположим, что несколько миллионов твердо знают, как нужно говорить, их не собьешь. Но несколько тысяч не убеждены... Телевизор убеждает. Если по телевизору «фанЭра», «пионЭр» и «кофА», значит, так и надо!

— Вы мне не дадите адрес?..

Опять кто-то, видя мою незанятость, решает извлечь из нее некоторую пользу. А может быть, меня считают чем-то вроде справочного бюро, только без киоска, для удобства.

— Адрес какого учреждения или театра вам нужен?

— Да вот, понимаете, мне тяжело сказать...

Несчастный, с ним что-то произошло, с этим приезжим? Ему тяжело, ему больно! Может быть, ему срочно нужно на Петровку 38 или в поликлинику?

— Мне тяжело вам сказать. Кажется, это называется «Уран», кинотеатр. Есть такой?

— Есть.— Но почему он сказал... ах, все понятно. Увы, это опять он, наш любимый телевизор. Недавно показывали увлекательнейшую спортивную передачу. Один из чемпионов сидел вместе с комментатором, и когда комментатор его спрашивал: «Чем, по-вашему, кончится раунд?» — неизменно отвечал (раз десять за вечер):

«Мне сейчас пока еще т я ж е л о сказать...»

Тяжело вместо трудно. И это не он один. Уж он-то, ладно, отличный спортсмен, язык не его специальность. Но ведь рядом сидел комментатор. Мог он объяснить, что когда говорится «тяжело», то это не из-за технических трудностей или неопределенностей, а из-за моральных переживаний.

Еще один с вопросом:

— Где-то тут есть магазин, где всегда бывают сосисЬки. Не знаете?

— Сама всегда хожу в этот магазин, но сосиСКи там бывают не всегда.

Радостно благодарит и направляется в колбасную. Он так занят своими покупками, что даже не обратил внимания на мое ударение. А с «сосисЬками» я даже не знаю, что и делать. У кого-то в запасе оказалось слишком много мягких знаков. Мягкие знаки — без употребления. И решил этот кто-то: дай-ка я буду совать их в разные слова! И сунул в бюрократизм. И стал бюрократизЬм. Ничуть от этого не помягчел в своей сути, но зато как мягко звучит! То же самое сделал с капитализмом, империализмом. Везде натывал мягких знаков. И ни разу не удосужился прислушаться, так ли говорят другие или как-то иначе. Нет, он свое — протоплазЬма! МаразЬм!

— Посмотри, Валерик, отсюда уже видно кремлевскую зубчатку! — говорит своему спутнику молодая миловидная женщина и обращается ко мне: — Ведь верно, это кремлевская зубчатка?

Если вы утром ели манку, в Третьяковке купили открытку с Сикстинкой, то это, безусловно, зубчатка. Именно так мне хочется ей ответить. Но она подумает, что я просто злая ведьма, которая всех передразнивает, и не станет слушать моих просьб: не называйте кремлевскую стену зубчаткой, это похоже на рыбу-зубатку, на зубочистку, на зубило, только не на стену Кремля. Она красивая, а ваша зубчатка не звучит, она от дурного вкуса, от языковой безвкусицы. Нет, я не хочу, чтобы эта миловидная женщина думала, будто я ведьма.

Я, честное слово, сержусь не от злости, а оттого, что хочу слышать вокруг красивый русский язык. Я говорю:

— Да, это кремлевская стена.

Кроме этих семерых, ко мне обращалось еще человек десять, видевших мою абсолютную незанятость на углу шумного перекрестка. Но у тех с языком все было благополучно. А вот с моей темой неблагополучно. С той самой, которая шевельнулась, которую я собиралась бережно вынашивать. Она рассосалась. С ребенком так не бывает. Уж если он дал о себе знать, так он родится непременно. А тема не родилась — ее как не бывало. Но ведь и бережное обращение с русским языком — тоже тема. Да еще какая! Значит, мое стояние на перекрестке не было напрасным. И если кто-нибудь, прочитав написанное, перестанет говорить «гражданочка», «протоплазма» или «кофА», и на том спасибо.

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

Принесли заказную бандероль. Распечатала. Пьеса?! Мне пьеса на отзыв... Но я же не драматург!

«...Но вы все-таки женщина, если только, конечно, не псевдоним, что в данном случае было бы нежелательно,— пишет мне автор пьесы.— А женщины-писательницы, не в пример мужчинам, занимающим аналогичные должности, обязаны иметь отзывчивое сердце и откликаться на зов по первому требованию».

В зове незнакомого автора требования были сформулированы ясно и категорически:

«...Поскольку вы состоите в мире искусств, вам ничего не стоит торкнуться туда-сюда с моей пьесой и продвинуть ее в то или иное место. Но лучше всего, конечно, в Государственный Академический Художественный театр имени М. Горького как самый, по моему мнению, подходящий в настоящее время для моего произведения. Я со своей стороны буду еще много писать и для других театров, потому что, как вам известно, у нас еще слишком мало пьес на производственные и сельскохозяйственные темы, а также не имеется достойных пьес на нижеперечисленные:

а) О работниках торговли, как продуктового так и промтоварного профиля;

б) О фармацевтах;

в) О производстве мороженого, которое потребляется в одной только столице нашей Родины Москве в количестве 80—

90 тонн в день в летнее время и до 50 тонн в зимнее (данные мною проверены);

г) О строителях светлого будущего!

д) О домоуправах, дворниках, лифтершах и слесарях-водопроводчиках, которые своей незаметной работой тоже вносят вклад;

ж) О мебели и холодильниках — тема актуальная, имеющая целью расширение производства упомянутых товаров.

И еще у меня записано около 60 тем, которые ждут своего отображения. Исключается тема о шоферах — водителях машин, о нашей доблестной милиции и о работниках общественного питания, поскольку они уже неоднократно использованы как в театре, так и в кино. Кроме того, учитывая всевозможные крупные даты, отмечаемые народом и нашей передовой общественностью, я не смогу не откликнуться своим пером...»

Это уже было слишком! Мне захотелось тут же сесть за машинку и отщелкать отповедь: не прикасайтесь к великим датам, которые у вас стоят в одном ряду с мороженым, холодильниками и диванами-кроватями... Но я подумала, что гнев мой будет не по адресу. Ведь поделки этого самозваного драматурга не увидят света.

Да, его-то поделки, будем надеяться, не увидят света. А вот руководительница одного самостоятельного ансамбля, о которой мне недавно рассказывали, по-прежнему будет говорить с лихостью необыкновенной: «Мой коллектив весь в мыле и пене! Спешим! Впереди знаете какие даты! Я из главной рольки конфету делаю!» Причем под словами «ролька» и «конфета» она подразумевала такую роль, говорить о которой можно и нужно, только глубоко поняв и прочувствовав ее значение. И тогда произносить «конфета» язык бы уже не повернулся. Ах, если бы она была только одна, эта самостоятельная руководительница, с ее лихостью и поспешностью перед знаменательными датами!..

Однако возвращаюсь к моему незнакомому автору, который ждал от меня отклика по первому требованию. Вот выдержки из его письма и из его пьесы:

«...Предлагаю вам свою пьесу в трех действиях, тридцати картинах, со световыми эффектами, внезапностями, испугами, кинокадрами, выходом артистов в зрительный зал и обратно, с оркестром народных инструментов, хором и переплясом. Действующие лица...»

Их было 75. Сразу запомнились мне «женщина 30 л. красивой наружности и высокоморального поведения, с родинкой за правым ухом, которая в дальнейшем будет иметь свой смысл и значение. (Автор не объяснил, что именно будет иметь

значение — родинка или женщина, а в дальнейшем забыл о своей ремарке.— В. К.) И пять колхозных дедов, из которых два «уже приобщились к культуре через книги, а остальные еще нет или не полностью».

Начинающий драматург ни на минуту не забывает, что любовные истории, происходящие почти со всеми персонажами, включая дедов, «которые уже приобщились к культуре», развертываются на сельскохозяйственном фоне. Один из его персонажей — птицевод.

«...Петя Лебедев имел свой особый подход к девушкам: он старался заглянуть им прямо в душу со свойственной ему здоровой любознательностью птицевода».

В первом действии старики колхозники сидят на зеленой лужайке и на десяти страницах вспоминают о своих встречах с великими людьми. (О знаменательных датах забывать нельзя!)

«ПЕРВЫЙ ДЕД. Кубыть я раньше был информирован, нешто я допустил бы эф тот инцидент?

«ВТОРОЙ ДЕД. Точно, ето самое, как сказал еще Антон Павлович Чехов: «Я верю, следующим поколениям будет легче и видней; к их услугам будет наш опыт». А опыт у нас — будь здоров, под руководством Аркадия Матвеича, который хуч и молодой, но дюже эрудированный в наших делах!»

(Авторская ремарка: «За сценой слышны возгласы ругани и драки, кроме того, детский плач и женский навзрыд»).

«ТРЕТИЙ ДЕД (прислушивается). Стало быть, оно того... читать нужно ету самую художественную литературу, тогда в семьях создадутся нормальные отношения. Вон как у Турсунзаде:

Там, где славится мать, где в почете жена,—

В той стране высока человеку цена...

Чем привольнее детям расти, расцветать,

Тем счастливее мать, тем красивее мать!»

«ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕД. Умственные твои слова, Пахомушка. Еще, помнится мне, товарищ Луначарский сказывал: «Внешкольное образование есть вся жизнь! Всю жизнь должен человек себя образовывать».

«ПЯТЫЙ ДЕД средних лет.— Замечательные слова, дорогие друзья! Их надо нести в молодежь. А вот и они сами, представители нашего светлого завтра!»

(Авторская ремарка: «На авансцене гаснет свет. На заднике вспыхивает экран. По нему парами носятся ласточки и кулики. В луче света появляются Петя и Надя»).

«ПЕТЯ. Побудь со мной еще немного, моя любимая! Крупный рогатый скот, идущий с водопоя, еще не достиг границ нашего населенного пункта. Подари мне еще один чистый поцелуй.

«НАДЯ (решительно, с девичьей гордостью и с жестом). Нет, Петя! Я в качестве бригадира доярок должна быть в первых рядах. Посмотри вдаль, ты видишь: уже идут бок о бок быки и коровы, мерно покачивая полным выменем. Мое место там!...»

Дойдя до этого места, я, поддавшись соблазну цитат, воскликнула словами вещего Олега: «Так вот где таилась погибель моя!» Я представила себе, как мне придется отвечать начинающему драматургу; как необходимо будет ему написать, что на стадо коров полагается всего один бык, так что быки и коровы не могут ходить бок о бок.

А потом я подумала, как уже бывало не раз во время чтения таких рукописей: может быть, это розыгрыш брата-сатирика? Но тут же отбросила эту мысль, зная по себе, как дорого время каждому работающему человеку,— в рукописи было 140 страниц. Кроме того, в письме четко проставлены фамилия, имя, отчество, адрес. И фамилии тех писателей, к которым автор уже обращался.

И я смалодушничала. Вместо того, чтобы ответить: литература, драматургия — дело серьезное. Нужно уметь писать, ведь хирург — только тогда хирург, когда он умеет делать операции, а для этого он учится, а не балуется скальпелем так, как вы балуетесь пером,— вместо всего этого и еще многого другого, что я могла бы сказать любителю цитат, источники которых он везде помечал скрупулезно, я написала: «К сожалению, я не драматург и не могу вполне авторитетно судить о вашем произведении. Лучше пошлите его таким известным драматургам, как В. Розов, А. Софронов или С. Алешин. Или одной из наших народных артисток, поскольку вам хочется, чтобы именно женщина с отзывчивым сердцем откликнулась на ваше требование. И я назвала блистательные имена: Гиацинтовой, Бирман, Мансуровой, Юлии Борисовой...

Повеселев после этого, я все же нашла в себе решимость добавить: «Ваша работа представляется мне непригодной для сцены, вы не сильны в русском языке и, кроме того, отнюдь не знакомы с предметом, который описываете,— с сельским хозяйством и людьми, что в нем работают». Я поставила точку, но, посчитавшись со своей совестью, добавила: «И примите мой совет: никогда не спекулируйте великими именами и знаменательными датами. Это худший вид спекуляции!»

Рукопись я отправила обратно, также заказной бандеролью.

Положила в сумку квитанцию и подумала, что вот сейчас я вздохну свободно. Но вздоха не получилось. Я вспомнила фразу из письма незнакомого автора:

«...Я читал свою пьесу многим товарищам, которые разбираются, и они выразили свое полное удовлетворение и авторитетное мнение, что эта пьеса нужная, поскольку она затрагивает ряд вопросов: а) о воспитании подрастающего поколения; б) о любви молодых людей с сохранением физической и моральной чистоты до законного оформления; в) о сознательности старшего поколения, встречавшегося с великими людьми...»

А вдруг кто-нибудь из товарищей, «которые разбираются», действительно прельстится разнообразием тем и обилием славных имен, хотя и упомянутых все и даже кощунственно! — а прельстившись, сделает что-то от него зависящее для продвижения бессовестной стряпни на сцену... А что, разве так никогда не бывало? Полноте!..

В НАПРАВЛЕНИИ ПОРЯДОЧНОСТИ **или** **ДО КАКИХ ПОР МОЖНО УДИВЛЯТЬСЯ**

Одно маленькое воспоминание хранится у меня в глубине души, где-то в отделе сентиментальностей. Я пришла в «Детский мир», чтобы купить лыжный костюм одному шестилетнему знакомому. Он мечтал о зеленом. А были синие, красные, коричневые, зеленых не было. Можно бы спросить, когда будут, но я уже давно не задаю таких вопросов. Потому что на такой невинный вопрос если и бывает ответ, то он звучит холодно и туманно:

— Неизвестно.

Такая конспиративность была бы бесценной для контрабандистов. При честной государственной торговле, при заинтересованности в том, чтобы покупатель еще и еще раз пришел в магазин, такая манера не годится. Она производит неприятное впечатление. Ведь можно было бы сказать:

— Заходите, пожалуйста, в конце месяца... в начале той недели.

Или:

— У нас постоянно пополняется ассортимент, приходите почаще!

Ничего подобного не говорится. Все хранится в тайне, даже

если товар уже получен и лежит в подсобном помещении за занавеской. Это повелось издавна, когда во многих товарах была нехватка, или, как говорят, чтобы звучало красивее, дефицит. Каждому, кто спрашивал, когда будет то или это, отвечали с холодной враждебностью: неизвестно. Своей холодностью продавцы старались показать, что они презируют ваше любопытство, которое вы проявляете не иначе, как в спекулятивных целях. Они показывали, что для них не существуют ни просто знакомые, ни знакомые спекулянты (последние узнавали откуда-то о товарах первыми).

Я еще раз заходила за лыжным костюмом, но зеленых опять не было. И вот однажды в метро мне улыбнулась незнакомая девушка и сказала:

— Сегодня приходите к нам часа в три.

— Вы меня с кем-то перепутали,— сказала я.

— Нет, это вы меня не узнали, потому что я в шапке,— сказала девушка.— Я из «Детского мира», у нас сегодня будут зеленые костюмы.

Ей не трудно, а мне приятно, такая милая вежливость.

Я особенно подчеркиваю слово милая, потому что вежливость бывает официальная, сухая, бюрократическая и даже стоящая на грани хамства, но осторожно не переходящая эту грань,— себе на уме.

Говорят, что в одном магазине несколько часов провисело воззвание: «ОБЪЯВИМ БОРЬБУ С ГРУБОСТЬЮ ПОКУПАТЕЛЕЙ!». Потом его сняли. Может быть, борьба стала настолько беспощадной, что простая фраза: «Дайте мне батон» — истолковывалась как призыв к вооруженному восстанию, поскольку «батон» в переводе с французского на русский означает «палка».

А хотелось бы, чтобы не было борьбы. Чтобы воцарилось взаимопонимание к обоюдному удовольствию. Вчера покупатель в магазине обратился к продавщице, а сегодня она пришла в поликлинику, скажем, к зубному врачу, и оказалось, что он ее вчерашний покупатель. Приятная встреча, взаимное обслуживание. Да так оно, собственно, во всем и получается на каждом шагу. Поэтому хочется взаимного доверия во всем. Если оно подорвано хоть раз, все горячие призывы к борьбе, к культуре и прочие хорошие порывы не принесут пользы. Доказывать делом — это куда убедительнее, чем самые красивые слова, ничем не подкрепленные.

Мне всегда казалось странным и даже немного смешным, когда покупательница, получив от продавца кулек с конфетами или 300 граммов ветчины в бумажке, отходит в сторону, разворачивает покупку и внимательно ее осматривает.

Я думала: неужели не насмотрелась, пока выбирала! Или про-
веряет, а вдруг обманули, как на толкучке... Я всегда брала
покупку и сразу опускала ее в сумку. Думаю, что при этом у
меня было благородное выражение лица: я вам доверяю, вы —
мне, это красиво!

Как-то я получила домашний наказ — купить три пачки чаю
разных сортов. Меня заставили повторить, каких именно.
Я повторила слово в слово, как солдат, отличник боевой подго-
товки. Когда я принесла чай домой, у меня была крупная
неприятность: нельзя обманывать настоящего чаевника в его
ожиданиях. На другой день чаевник пошел переменить пачки,
потому что все было сплошное не то. Он вернулся подавлен-
ным. Перед ним не извинились, наоборот, его заподозрили во
лжи.

— А может, вы совсем не у нас покупали? А может, вы уже
открывали, почему я знаю!

Он сказал:

— Да, я этим зарабатываю на жизнь — скупаю пачки, высы-
паю чай, набиваю опилками и сдаю обратно в магазин... Я, по
правде говоря, ждал, что вы извинитесь.

— А может, вы еще чего ждали? — спросила продавщица и,
почувствовав, что зарвалась, с отвращением выложила на при-
лавок требуемые пачки.

— Если бы она только сказала — извините, что так полу-
чилось! — я был бы доволен, даже несмотря на то, что мне
пришлось идти три квартала по морозу, — сказал чаевник, ко-
торому уже не хотелось упиваться заваркой из смеси трех
сортов.

Выгораживать себя, обвиняя во вранье других, — это, к со-
жалению, довольно распространенный способ самообеливания.
Вот два случая на железной дороге, при всем уважении к же-
лезнодорожникам.

Мой друг — преподавательница английского языка возвра-
щалась в Москву из Ленинграда, где она проводила кани-
кулы. Она заранее взяла два билета, себе и своей матери, жен-
щине уже не слишком молодой и не очень здоровой. Пять дней
они ходили и радовались, что у них билеты в кармане. В день
отъезда они приехали на вокзал за час. Выпили кофе, купили
чего-то вкусного, ленинградского на дорогу. Не хотелось пре-
жде времени забираться в вагон. Оставалось 20 минут до отъ-
езда. Они подошли к кондуктору. Маме, женщине хорошо
воспитанной, захотелось сказать ему что-нибудь вежливое.

— Как приятно, что мы едем с дневным поездом. Это са-
мый удобный поезд.

— Удобный-то он удобный, только для грамотных,— странно сказал кондуктор.

Они все еще продолжали улыбаться, но у дочери, у преподавательницы, уже скользя тревога по милому лицу. Она поняла, что кондукторский юмор непрост.

— С вашим билетом вам нужно было уезжать вчера,— пояснил кондуктор.

— Но вот здесь, на плацкарте, поставлено 6-е.

— А на билете 5-е. Читать умеете?

— Умею,— пролепетала преподавательница,— на четырех языках.

— А по-русски, видно, плохо! — отметил кондуктор. — Не знаю, откуда у вас плацкарта, откуда билет. — Но все-таки сжалился, поглядев на обеих женщин, и посоветовал: — Бегите скорее в кассу, может быть, еще успеете.

Преподавательница побежала в кассу, оставив свою бедную маму замирать у вагона от мрачных предчувствий.

Очередь у кассы расступилась. Даже она, бывшая очередь, поняла, что человек с таким расстроенным лицом не симулянт и не рвется обманом получить билет. Не поняла этого кассирша. Или не пожелала понять.

— Почему я знаю, может быть, вы этот билет купили у кого-нибудь с рук! — сказала она.

Ответить ей: «Я никогда ничего не покупаю из-под полы! Я никогда не вру!» Но она, пожалуй, скажет: «Поезжайте туда, где купили, на Невский...» Значит, надо сделать вид, что не обращаешь внимания на то, что тебя называли вруней... Наверно, что-нибудь в этом роде мелькнуло в бедной голове преподавательницы. Поэтому ее голос прозвучал не возмущенно, а трогательно:

— Пожалуйста! Поезд вот-вот отойдет!..

Был вызван кто-то старший. Он не заподозрил пассажирку во лжи, зато поставил ей на вид ее недопустимое легкомыслие:

— Когда покупаете, надо смотреть, что берете.

Ей хотелось ответить: «Скажите лучше вашим работникам, чтобы они повнимательнее относились к работе!» А вдруг не переменит? Все в его руках. Потом ходи, нервничай, доказывай да еще маму куда-то устраивай, не сидеть же ей на вокзале до завтра... При мысли о маме преподавательница испугалась и сказала жалобным детским голоском:

— Хорошо, я в другой раз непременно буду смотреть повнимательнее! А теперь, пожалуйста!

Она притворилась беспомощной, трогательной, даже кающейся в несовершеннолетней оплошности. Она умела быть прин-

ципальной и строгой у себя в институте. Но тут на перроне волновалась мама, и поезд отходил через пять минут. Билет был обменен. Маме стало плохо уже по дороге в Москву.

— И хоть бы кто-нибудь извинился! — негодовала моя приятельница, когда рассказывала мне эту плачевную историю.

А вот второй случай. Это уже в Москве, на Белорусском вокзале. Впрочем, все началось в пригородном поезде Москва — Усово. Молодой контролер проверял билеты. Подошел к пожилому пассажиру. Тот с готовностью вынул сезонный билет. Контролер посмотрел на пассажира испытующе и спросил, как у сумасшедшего:

— Какое сегодня число?

— Кажется, восемнадцатое, — предчувствуя недоброе, пробормотал пассажир.

— Вот то-то, — сказал контролер. — А у вас на билете восьмое. Значит, десять дней катаетесь на даровщину? Красиво! Платите три рубля штрафа.

Пенсионер был настолько подавлен неожиданностью, что даже не стал спорить и доказывать свою правоту. Только удивленно промямлил что-то о быстротечности времени — ведь он только на днях возобновлял билет...

Контролер ушел, получив три рубля и дав расписку. Спутники посочувствовали оштрафованному и захотели взглянуть на злополучный билет.

— А вы смотрите-ка! Перед восьмеркой стоит явная двойка, а вовсе не ноль. Только смазанная. Значит, билет взят по 28-е включительно. Когда приедете, идите выяснять, у вас трешницы на полу не валяются.

Пенсионер приехал на Белорусский, выяснил и получил обратно свои 3 рубля. Их отдала кассирша, нечетко поставившая штампель. При этом присутствовал молодой контролер. Извинился? Черта с два! Сказал:

— Я не обязан разбирать, смазано, не смазано. Мое дело — взыскивать штрафы.

А то, что он, по сути дела, обозвал пенсионера обманщиком и вором, это не в счет. Обидно? Подумаешь, нежности, переживает!

Конечно, бывает, что и пассажиры ездят «зайцами» и покупатели норовят обмануть продавцов, уверяя, что купили недоброкачественный товар, тогда как сами умудрились его как-то испортить. Но ведь с лгунами-потребителями и не церемонятся: на вокзалах вывешиваются стенды с фотографиями «зайцев», — а стендов с грубиянами или плохими работниками нет нигде. Да они и не нужны, такие позорные столбы! Нужно

совсем другое: дружелюбие и порядочность. Умно привитые и навсегда привившиеся. Их не могут заменить сами по себе хорошие надписи над дверями магазинов: «Благодарим вас за покупку!» Если под такой надписью недружелюбное лицо с подозрительным взглядом, то никакие прелестные слова не исправят положения.

Очень много говорится и пишется об улыбке. Так много и так сладко, что даже тошно. Между тем во время эпидемии гриппа на продавцах в магазинах были марлевые повязки, так что неизвестно, улыбались они под ними или нет. Однако даже и в марлевых повязках, скажем, в универмаге «Москва», продавщицы всегда предупредительны и ведут себя как отлично квалифицированные работники, а не как опереточные героини с плохо сделанным высокомерием.

О том, что нужно быть взаимно вежливыми везде, мы тоже писали уже столько раз, что это почти невыносимо для читателя. Но я хочу сказать о другом: о подлинном дружелюбии и порядочности.

Если я сижу в кафе 40 минут и говорю об этом подавальщице, то ей не следует называть меня гнусной лгуньей даже в завуалированной форме: «Нет, вы не сидите 40 минут, вы только что пришли...» Не следует подсовывать в 300 граммов ветчины на 100 граммов обрезков, как это практикуется нередко. И не нужно говорить пассажиру, что он фальшивобилетчик, если сама кассирша, думая о чем-то своем, сокровенном, ставит на билете вчерашнее число. Если ошибки происходят, нужно иметь достаточно порядочности, чтобы извиниться и исправить их.

И уж, конечно, самим обиженным, обсчитанным, обхамленным не годится отстаивать только свой маленький кусочек справедливости, а копать глубже, чтобы выкопать уродство с корнем. Но кому копать? Пенсионеру? Он правильно говорит: себе дороже, и без того сердце на ниточке. Или женщине, которая торопится? Она говорит: бесполезная трата времени, беспардонных не перечуишь.

Не может быть! Но справа выясним, откуда беспардонность? Это уже более серьезно, чем магазинные или транспортные невежливости. От небрежности к человеку. К тому самому, о котором правильно говорят, что он самое дорогое и прекрасное среди ценностей, созданных его умом и руками. А откуда такая небрежность? От чьей-то уверенности в том, что ему, самоуверенному, дозволено все, а другим не дозволено и одной десятой всего или даже одной сотой. Ну, а откуда такая самоуверенность? Тут уже можно сказать безошибочно — от дурного воспитания: «Я хороший, а все остальные миллионы

хуже меня!» А еще от неправильно понятых или даже вовсе не понятых норм поведения.

А до каких пор можно удивляться, что есть люди (во всем другом разумные и практичные), которые не понимают или не желают понимать, что нормы поведения для всех одинаковы? Вот если бы кто-нибудь ответил на этот последний вопрос, это было бы отлично! Это показало бы, что удивление перед всякими мелкими и крупными пакостями давно пора заменить самым действенным осуждением! (Спрашивать, что такое действенное осуждение, вероятно, не нужно.) И, наверно, нужно научиться тем, кто еще не умеет, действовать в направлении справедливости и порядочности всегда и во всем.

МЕЧТА-ПОЛУЛЮКС

Вещи нужно называть своими именами. Говорят: назови хоть горшком, только в печь не суй. Нет уж, пожалуйста, не будем называть горшком то, что не горшок. В русском языке так много слов, что всегда можно выбрать настоящее и подходящее. Только для этого надо знать и любить язык и уметь выбирать. За малым дело.

А дело это не малое — давать имя чему бы, кому бы то ни было. Каждый писатель знает, как иногда бывает трудно называть рассказ, роман, пьесу. Об именах новорожденных и говорить не приходится; бывают целые семейные словесные баталии, когда бабушка требует, чтобы внука назвали Иваном, но не умеет произнести это имя со свойственной ему музыкальностью, а родители младенца фыркают на Ивана и рожутся в Большой Энциклопедии, пробуя на звук Гермеса, Рамзеса или Ги (увлекшись Мопассаном).

Не знаю, рожутся ли в энциклопедии крестные отцы таких заведений, как парикмахерские и кафе, таких вещей, как парфюмерная продукция, или таких произведений, как балльные танцы. Не знаю и не буду спрашивать, потому что тут важен не самый процесс выдумывания названий, а результат.

В прелестном Комарове, под Ленинградом, где залив, сосны и сказочные озера, есть перекресток дорог — к рынку, к почте, к магазинам. На этом перекрестке стоит кафе. Побольше бы таких в пригородах и, в частности, у нас в Подмосковье: асфальтовая площадка, а на ней цветные столики, удобные легкие стулья и стеклянно-пластиковый куб, в котором продается кофе, пирожные, конфеты. Отправляясь на знаменитое Щучье озеро, мы десять раз проходили мимо и не за-

мечали названия этого кафе, оно как-то не бросается в глаза. Но однажды обратили внимание на объявление, приколотое кнопками к сосне рядом с кафе. Подошли и прочитали:

«Утерянный зубной протез находится в кафе «Мечта».

Много дней комаровцы потешались над этим объявлением. Его мыли дожди, буквы растекались, от этого оно выглядело совсем заплаканным. Потом оно исчезло. Может быть, нашелся владелец.

А мы таким образом узнали, что кафе называется «Мечта». Такую же точно «Мечту» мы видели в Зеленогорске и еще где-то. Очевидно, эти «Мечты» заготовлены по стандарту. Я уже сказала, что сами по себе кафе хороши и удобны. Но зачем такое название? Мне кажется оно неподходящим не потому, что связывается с этим трагикомическим объявлением. Оно представляется мне пафосно-слащавым.

— Пойдем посидим в «Мечте».

— Я подожду тебя у «Мечты».

Крестные отцы кафе, может быть, спросят:

— А что, лучше, если какая-нибудь «Белая лошадь»?

Мечта сама по себе, по смыслу выше лошади, даже самой крупной и породистой. Но «Белая лошадь», или «Под соснами», или еще как-нибудь не сюсюкает, а у «Мечты» огорчительно-слащавый привкус. И зачем так принижать слово? Каждый, кто пьет не слишком-то душистый кофе, тут же говорит:

— Нет, это не мечта!..

Я не берусь придумывать названия, не набиваюсь в крестные матери, но в чем я совершенно убеждена, так это в том, что сюсюканье, слащавость, неуместный пафос или не к месту пригнанные иностранные слова — все это от лукавого. Об иностранных словах после, а пока еще немного о слащавости.

Есть кафе «Снежинка», «Звездочка», «Гвоздичка», как будто мы попали в детский сад и вам сейчас предложат манную кашку, молочко и какао (из лексикона одной влюбленной бабушки).

Множество кафе носит название «Молодежное». Это выглядит как шлагбаум для людей уже не совсем юных, не говоря уже о пожилых. Седой человек увидел через окно, что в кафе есть свободные столики, и хотел зайти.

— Вы куда, папаша? Написано же «Молодежное»!

Сколько раз говорилось о том, что неумно делают те родители, которые на праздники уходят куда-нибудь, все равно куда, себе в ущерб, в неудобство, лишь бы «очистить помещение для молодых»: пусть повеселятся, мы их стесняем... Конечно, если молодые собираются развлекаться стриптизом,

бабушки и дедушки с непривычки будут чувствовать себя неловко. Но ведь веселятся же и в одетом виде. И даже в обществе родителей. И получается хорошо, если эти родители умны, веселы, корректны и не забыли, что такое молодость!..

Эти «Молодежные» кафе некоторым немолодым представляются нахальными заведениями, где можно сказать пожилому человеку: «Куда прешь!» Нет, право же, не надо таких раздельных названий, за исключением, может быть, гостиницы «Юность», специально предназначенной для спортсменов. Делают возрастные строго административные подразделения, а потом наивно удивляются: ах, молодые смотрят на старших, как на прошлогодний снег!.. Тогда уж, может быть, в тон «Молодежным» кафе нужно открыть и «Пенсионерские» с дюжим седым бородачом у входа. Будет достигнуто полное взаимопонимание: стенка на стенку!

Пишу это и думаю о молодых. На энном километре пути, совсем недалеко, за углом, их тоже ждет преклонный возраст, который при желании можно сделать приятным и себе и другим, если беспрерывно и всюду не подчеркивать разницы.

Итак, предположим, установлено: сюсюкать не нужно, не надо умиляться ни молодыми, ни самим молодым. Но сюсюканье приходит из детства, если все домашние, взрослые прыгают перед младенцем и щебечут ненормальными голосами. Впрочем, прыгают не одни домашние. «Челочка» — так называется детская парикмахерская. Почему бы детскую поликлинику не назвать «Свиночка» или «Поносик»? Слышу обиженный голос: «Уже и «Челочка» плохо?» Не плохо, но и не находка. Я не хотела придумывать названий, но тут название подвернулось само собой — «Ежик». Это уменьшительное, не сусальное, и можно бы нарисовать такого славного ежа!

А вот название детского магазина «Машенька», по-моему, не сюсюкает. Только не следует говорить: «Пойдем в «Машеньку», а лучше: «Пойдем к «Машеньке». Так же, как к «Руслану», к «Светлане» и чтоб в этих магазинах или кафе были изображены сами эти хозяева — Машенька, Руслан, Тимур, нарисованные или деревянные, — эмблема, марка, герб, как угодно.

Наверно, есть еще много нелепых названий. Они посыплются, как из рога изобилия, из ваших писем, товарищи читатели. Так же, как было после фельетона «Скажите, пожалуйста!» о словах-кариатурах. Из конвертов посыпалось столько слов, смешных и прискорбных, что, наверно, нужно будет опять вернуться к неисчерпанной теме о засорении и опошлении языка (что, кстати, не имеет ничего общего с его омоложением и развитием).

А теперь немного об иностранных словах. Я вовсе не призываю, чтобы стул назывался седалищем или еще как-нибудь, лишь бы не по-немецки. И пусть редактор будет редактор, а не «руководитель периодического или непериодического издания», как объяснено в словаре иностранных слов. Но хотелось бы, чтоб иностранные слова, вошедшие в русский язык, употреблялись со смыслом.

Всем известно слово английского происхождения — финиш — окончание, конец, заключительная часть спортивного состязания. Все давно привыкли говорить — идет к финишу, а не к концу. И очень хорошо, спорт — дело международное. Но вот как-то, будучи в столичных Лужниках, я увидела стрелку, показывающую направление: «К кафе «Финиш»... Очевидно, крестным отцом этого разнесчастного кафе представлялись победный рывок, кубок, буря оваций! А если бы кто-нибудь предложил им назвать то же кафе тем же именем, но только по-русски — «Конец»? Можно вообразить, как бы они возмутились. Сказали бы: «Это ведь не возле крематория! Это Лужники, сама юность и здоровье!» Так и стояло это кафе с печальным названием «Конец», только по-английски, русскими буквами.

Тот же самый «Финиш» я прочитала на пузырьке в парфюмерном магазине. Мне стало не по себе. Господи, неужто стали продавать яд для широкого потребления? Нет, оказалось, что это — средство «от потливости». Значит, «конец поту», наверно, так нужно было понимать.

Чуть не забыла еще одно иностранное слово, давным-давно вошедшее в обиход. Люкс. Известно, что по-латыни это означает «свет», а по-французски — «роскошь». Это известно всем, за исключением кое-кого, кто думает, что это сапожный крем, судя по этикетке. Особенно слово «люкс» прижилось в гостиницах. Но вот недавно я прочитала в одной газетной статье: «Предусматривается строительство номеров «люкс» и «полулукс».

У Пушкина в эпиграмме есть полуподлец и полуневежда. Полулюкса пока еще не было ни у кого. А что, если не останавливаться на достигнутом, взять да и спроектировать номера еще и «четвертьлюкс»? Во имя заботы о постояльцах, чтоб их не било по карману. А там можно додуматься и до роскошной восьмушки — койка в общежитии с умывальником в коридоре.

Нет, не нужно восьмушки, так же как не надо бы и «полулуксов», чтобы не было смешно и немного печально от знакомства с полуневеждами.

А названия танцев? Их создатели дипломатично избежали

иностранных слов и напридумывали «Елочку», «Каблучки», «Стукалочку». Почему бы не «Вертелочку», «Дрожжалочку», «Ходилочку» — все в том же духе трех притопов. Очень справедливо, по-моему, сказала одна юная балерина:

— Из-за одних этих бездарных названий танцевать не стану, не говоря уже ни о чем другом,— что мне, три года? Рас-сю-сю!...

По всей вероятности, есть еще немало всяких странных, неудачных, даже нелепых названий, над которыми их крестные ломали голову, вместо того чтобы пользоваться ею по назначению. Очень хотелось бы, чтобы среди авторитетных лиц, дающих названия всяким заведениям, вещам, танцам, были бы и такие люди, которые знакомы с иностранными языками, но особенно с родным, русским. Одним шапочным знакомством тут ограничиваться не следует. Родной язык надо знать и любить.

СОДЕРЖАНИЕ

Белый Воробей 3
Весенние диалоги 8
Бабник 12
«Приезжаю праздники целую»	. 16
Солнце — проявитель	. 21
Негодяй и «Дурочка» 26
Бывают же такие!.. 28
Скажите, пожалуйста!.. 30
По первому требованию 34
В направлении порядочности	. 38
Мечта-полулюкс 44

ГОССТРАХ

**ЗАКЛЮЧАЕТ С ГРАЖДАНАМИ ДОГОВОРЫ
ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СТРОЕНИЙ,
ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ**

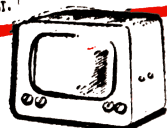
Добровольное страхование строений и сельскохозяйственных животных проводится дополнительно к обязательному окладному страхованию. При этом общая страховая сумма по обязательному окладному и добровольному страхованию может составить до 80% стоимости строений и животных.

● **ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО** может быть застраховано по добровольному страхованию в размере его стоимости по государственным розничным ценам.

● **ПО ДОГОВОРАМ СТРАХОВАНИЯ** Госстрах возмещает ущерб в случае гибели или повреждения строений и домашнего имущества от пожара, наводнения и других стихийных бедствий, а по страхованию животных — при гибели их от болезней, несчастных случаев и вынужденного убоя.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договоров обращайтесь в инспекцию Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе.

Агента Госстраха можно вызвать на дом или к месту работы.

**ГРАЖДАНЕ, ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО
ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОРЫ
СТРАХОВАНИЯ. ДОБРОВОЛЬНОГО**

Главное управление государственного страхования РСФСР. ■